

18+

Василий Лягоскин

*Все цвета
радуги*

*Книга первая
«Ресторан
„Панорама“»*

Василий Лягошкин

**Все цвета радуги. Книга
первая «Ресторан „Панорама“»**

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Все цвета радуги. Книга первая «Ресторан „Панорама“» /
В. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510749-7

Сходил в ресторан на случайную свадьбу? А как не хотел! Словно чувствовал — все закончится очень печально. Но не настолько же... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-510749-7

© Лягоскин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Город Владимир. апрель 20... года. Михаил Столбов	6
Глава 2. Империя Золт. Запретный Лес. Четвертая луна сезона дождей. Данир уль Масхи	21
Глава 3. Запретный лес. Михаил Столбов	31
Глава 4. Запретный Лес. Граф Вилим дум Гарский	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Все цвета радуги Книга первая «Ресторан "Панорама"»

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2020

ISBN 978-5-0051-0749-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-0750-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Город Владимир. апрель 20... года. Михаил Столбов

– А оно мне надо?!

Нет – ни выражением лица, и ни единым словом я... эти самые слова до собеседницы доводить не стал. По крайней мере, постарался не довести. Как получилось? Наверное, не очень хорошо. Потому что Эллочка (это я опять про себя озвучил; вслух же – только Элла Сергеевна, секретарь и особо приближенное лицо шефа!) очень недобро прищурила глаза, умело подведенные каким-то орудием из арсенала женского макияжа, и я поспешил выпалить:

– Конечно, Элла Сергеевна! Я совершенно свободен сегодня после работы. И готов сопровождать вас... э.э.э... только вот...

Я критично обвел взглядом собственную фигуру, все сто девяносто сантиметров, облаченные сейчас в коричневые джинсы соответствующего размера, мягкие и очень удобные мокасины такого же цвета и бежевую рубашку с короткими рукавами; затем много медленнее повторил процедуру, но уже по гораздо более пышным обводам секретарши, втиснутым в стильное, и, на мой не очень опытный взгляд, весьма дорогое платье.

– Да. а.а..., – протянул я опять про себя, но уже не стараясь скрывать своего почти искреннего восхищения, – в таком платье только на свадьбу. Не свою, конечно. На свою вроде бы принято в чем-то белом и воздушном. Как-то так.

Эллочка же, явно отметившая последний всплеск моих эмоций, ловко прокрутилась передо мной, заставив это самое платье цвета чистого вечернего неба, подсвеченного заходящим солнцем (во, как завернул!), взметнуться широким подолом так, что я успел увидеть не только круглые и вполне аппетитные женские коленки на все их триста шестьдесят градусов, но и достаточно много чего выше, вплоть до...

– Нормально, – утвердила Эллочка, остановившись так резко, что мне пришлось невольно подхватить ее за талию, фиксируя женское тело на расстоянии вытянутых рук, – сойдет. Мы же не на главную свадьбу приглашены, а так – вечеринка для своих. Одноклассницы, ну, и кто с ними в придачу.

– «В придачу – это я», – сообразил я, – ну и, наверное, подобные мне. Обижаться, конечно, не стоит. А вот опасаться... А – пошло оно все пропадом! Чего бояться-то? Начальства? Идет оно... подождите! Какая свадьба?!

Вроде речь шла о каком-то совершенно рядовом мероприятии, на которое в их тесном и близком кружке, еще со школьных времен, принято появляться только парой. Ну, вот такой бзик у их компании оказался. И у Элочки совершенно неожиданно последнее условие оказалось под угрозой. Куда именно и почему подевался тот, кто должен был изначально сопровождать Эллу Сергеевну на мероприятие, мне не соизволили пояснить. Почему именно меня вызвали на замену, тоже. А вот причину, по которой мне отказаться от этого предложения было практически невозможно, даже объяснять было не нужно. Я и сам прекрасно понимал. Понимал, что долги надо отдавать. Какие? Сейчас поясню.

Зовут меня Мишей. Михаилом Николаевичем Столбовым, если полностью. Двадцати двух лет отроду, еще недавно студенту Ивановской сельхозакадемии, а теперь дипломированному ветеринару. А уже завтра (ну, если быть точным, то где-то месяца через полтора-два), воину славной российской армии. Как раз, когда весенний призыв подоспел. Ни возможностей, да и желания откосить от армии не было. А что такого – отдам Родине год жизни; тем более, что дедовщины, как утверждают, давно там уже нет. А вот эти полтора месяца (плюс минус) после того, как получил долгожданный диплом (в красных корочках, между прочим!) пришлось бы болтаться как... известно что. А не хотелось бы. Не сказать, что я такой уж трудо-

голик, но лежать на диване, когда от последней стипендии после сегодняшних покупок на центральном городском рынке осталось меньше двух тысяч, было бы не очень комфортно. Можно, конечно, позвонить отцу в Москву, или матери в Испанию, но ни первого, ни второго звонка я делать не собирался. Первым никогда не звонил. Была, конечно, вероятность того, что предки подкинут что-то сами по случаю окончания академии, но...

Вот это «но» и заставило меня, вместе с пакетами, которые я заполнил на рынке, сунуться в здание, которое находилось как раз напротив. А именно – в ветеринарный департамент области. На многое, конечно, не рассчитывал, но какую-нибудь временную работенку, с перспективой вернуться (перспективой для него, департамента, а не для меня, такого умного) я и озвучил в отделе кадров. Кадровичка, пожилая женщина, имени-отчества которой я, к собственному стыду, до сих пор так и не узнал, скептически покачала головой, и просветила меня по вопросу, ответ на который я, в общем-то, и так знал. А именно – что на полтора месяца никто меня, даже такого умного и красивого, брать не будет. Если только не стечение обстоятельств...

И они, эти обстоятельства, как ни странно, тут же и появились. В лице Эллы Сергеевны. Которая, как оказалось, уже минут пять стояла в открытых дверях отдела кадров, за моей спиной, и слушала, улыбаясь, как я пытался очаровать ее коллегу. Тут я как раз повернулся, и ее улыбка, до того едва заметная, стала чуть шире, и Эллочка, секретарша самого шефа (о чем я тогда еще не знал), принялась меня достаточно профессионально допрашивать. Впрочем, ей оказалось достаточно ответов всего на несколько вопросов. Среди которых главными и определяющим оказались два. А именно – наличие диплома, и жилья в городе Владимире. Где я, собственно, родился, прожил с бабушкой первые семнадцать лет жизни, а теперь вернулся, чтобы...

Чтобы оценить «обстоятельства», то есть Элли Сергеевну, уверенно цокающую каблучками по ступеням между первым и вторым этажами, уже сзади. И немного снизу. Совсем немного, учитывая разницу в росте. Сзади Эллочке было гораздо меньше ее...

– От двадцати пяти до тридцати пяти лет, – оценил я примерно уже тогда, – вполне симпатичная фигурка; чуть-чуть лишка в объемах, но очень даже ничего, ничего. Таковую в руках держать очень даже приятно. Даже в строгом деловом костюме. А тем более в тонком платье, которое ладонями практически не ощущается, а вот все остальное под ним...

Сейчас же я поспешно отдернул руки, успев даже обозначить, что поправляю нарядное платье того самого чудесного цвета, и опять вернулся ненадолго к воспоминаниям минувшего дня. Да, не далее как вчера я поднимался по лестнице вслед за Эллочкой, а потом шагал за ней же по длинному коридору и ждал в приемной, не решившись присесть на мягкий стул. Даже достаточно тяжелые пакеты не стал пристраивать, предполагая, что уже через пару минут выйду из этого помещения, потом с этажа, потом...

Потом реальность немного поменяла вектор движения, и направила меня не на улицу, а опять в отдел кадров. Где я, такой гад, так и не узнав имени-отчества труженицы кадрового фронта, вписал свои данные в бланк о приеме на работу. И уже минут через десять узнал, что с завтрашнего (уже сегодняшнего) дня являюсь ведущим специалистом-экспертом этого самого департамента. Должность, конечно, громкая, но зарплата...

Кадровичка, сама несколько обескураженная скоростью, с какой я нашел новое место в жизни, начала было перечислять бонусы в виде квартальных премий, и...

– Ну, – прервала она себя, – до кварталки ты у нас, скорее всего, не доживешь...

Потом, поняв, что прогноз в отношении меня оказался каким-то двусмысленным, не стала извиняться. Просто рассмеялась, подняв тем самым настроение и себе и, как ни странно, мне. Велев явиться завтра (то есть, уже сегодня) к половине девятого, отпустила меня движением руки. Я бы сказал, барским. Каким в этом здании, по определению, мог распоряжаться только главный. Шеф, он же директор департамента. Которого я, кстати, не видел; ни вчера, ни сегодня.

А утром, уже сегодня, меня в коридоре встретил мужичок лет сорока. Ничем не примечательный, разве только тем, что на ближайшее время он стал моим непосредственным начальником.

– Пал Матвеевич, – сунул он мне ладошку, которая утонула в моей, достаточно широкой и твердой (по сравнению с его собственной), – а ты, значит, Михаил. Мой новый сотрудник. Ну-ну. Пойдем.

Больше никаких вопросов он не задал. Завел в небольшой кабинетик, показал на стол в углу, потом на стопку папок на столешнице.

– Должностные инструкции, – так же коротко проинформировал он, – изучай. Компьютер без пароля. Интернет подключен.

И исчез.

– Странно, – это я сказал уже закрытой двери и себе, – как-то я себе по-другому представлял первый рабочий день. Может, у них запарка какая? Ящур там, или чума свиней? Или это связано с тем, как меня на работу принимали? Может, я тут жутко блатным числюсь? Хоть бы кто заглянул ради интереса. Сам бы я точно не удержался.

Однако никто в кабинет, где кроме моего стола был еще один такой же (с таким же компьютером) и длинный, на всю стену, шкаф с книгами за стеклом, так и не заглянул. Ни сразу, ни через полчаса, ни через час, когда я пролистал инструкцию на восьми листах раз пять, так и не сумев до конца продрагаться сквозь зубодробительные формулировки. Компьютер, достаточно навороченный для такой конторы, как наша (уже наша!) умиротворенно гудел; новости региона России и мира уже были усвоены (в отличие от инструкции), и я, так и не выбрав между фильмом и какой-нибудь стрелялкой, решил сделать вылазку сам. Точнее, решил не сам, а организм. Он у меня, кстати, тренированный, и очень целенаправленный. Вон как вчера направил туда, где меня оторвали с руками и ногами. А сейчас без колебаний направил по коридору налево и до упора, до двери с единственной буквой «М».

А уже через несколько минут я тихо порадовался, что он, организм, успел сделать свои дела до того, как меня прямо в коридоре отловила Элла Сергеевна. Тут она, кстати, и демонстрировала и свое шикарное одеяние, и еще более умопомрачительное тело. Это, кстати, без шуток. Эллочка, несмотря на возраст, действительно была очень приятной на вид дамой; блондинка, может даже натуральная; с красивым, чуть круглым лицом с правильным греческим носом, полными губами и зелеными глазами, которыми она сейчас так непосредственно хлопала.

Я не был записным ловеласом. Больше того, таких вот именно дамочек старался сторониться. Потому что интуитивно чувствовал, что нужно им от меня (ну, или кого другого) очень много. А я им много дать просто не мог. В плане материальных благ, прежде всего. Диплом и двухкомнатная квартира в панельной девятиэтажке. Вот и все. Ну, и корочки камэ-эса по пятиборью. Не футбола и не тенниса. Что там еще может принести бешеные гонорары? Абсолютное большинство знакомых мне девушек даже не подозревали, что такое современное пятиборье, и почему в нем теперь соревнуются только в четыре этапа вместо пяти. Да и парни тоже, когда узнавали, удивлялись не слабо.

Элла Сергеевна затащила меня, совсем не сопротивляющегося, в мой же кабинет; заставила надеть замшевую курточку, которую я снял еще до того, как загрузился комп, и оглядела теперь уже всего, с ног до головы и на те самые триста шестьдесят градусов, какие продемонстрировала недавно сама. И разочарования, кстати, я сейчас в ее лице не заметил. А потом, присев на стул у второго стола, коротко, но очень емко просветила меня о моих же планах на сегодняшний вечер:

– Значит, так, – начала она, – это, вообще-то считается девичником. Нас, девок, еще со школы ровно тринадцать. И ни одного такого события мы еще не пропустили. Без уважительной причины. А уж свадьба... у Лидки, правда, уже пятая...

Тут я, сидящий на своем стуле скромно, и внимавший с умным видом, как на самой первой лекции в академии, поперхнулся, отчего Эллочка громко расхохоталась. Она явно рассчитывала на подобный эффект от факта чужой для меня жизни неведомой пока Лидии.

– Да, – махнула Элла Сергеевна ладошкой, когда я вернулся к нормальному темпу дыхания, – у нее это быстро получается. Имея папой чиновника в областной администрации, женихов даже искать не надо. Они сами появляются, как глисты.

Тут я опять поперхнулся; теперь уже совсем ненадолго. Ненадолго потому, что вспомнил – Эллочка не просто секретарша, а секретарша в ветеринарном департаменте, и что мелкие кольчатые паразиты, в общем-то, для нее не просто какой-то ужас, а вполне профессиональный...

– Вообще-то в областной администрации работает, наверное, человек сто; а может пятьсот, или тысяча, – сказал я совсем не то, о чем сейчас подумал (кто не понял – о мелких и кольчатых), – и если там зарплаты такие же, как у нас...

– Это не про Лидкиного папашу, – отрезала Элла, – тот у власти был, когда она еще обкомом с облисполкомом назывались. Он тут как-то у нас появился. Так Игорь Петрович его на улице встречал. Как только узнал?...

Игорем Петровичем звали директора департамента, который вчера заочно подписал мое заявление. И я сейчас сделал заинтересованное лицо, интуитивно поняв, что пауза, которую сейчас сделала Элла Сергеевна, каким-то образом связывала тот визит областного чиновника с моей скромной персоной. И, как не странно, оказался прав. Такая связь была; весьма опосредствованная, но была.

– А тут я в приемной, такая вся из себя, – продолжила Эллочка, – меня-то Иван Сергеич, Лидкин папашка, вот с таких знает.

Она опустила ладошку почти до пола, до уровня детского горшка, и сделала еще одну паузу. Даже глаза зачем-то прикрыла. Как я предположил, вспомнила что-то из тех далеких лет.

– Мы с ним, конечно, перекинулись парой фраз тогда, – она вернулась в настоящее, – ну, там типа: «Как дела?», «Не вышла еще замуж?», «А вот Лидочка опять»... Ну, ты понимаешь.

Я кивнул, представив себе, прежде всего, лицо Игоря Петровича. Скорее не само лицо – его-то я еще ни разу не видел, а общее выражение этого лица.

– Вот с тех пор наши с Игорем Петровичем отношения, – Элла широко, я бы даже сказал победно, улыбнулась, – перешли на новый уровень. И да – если тебе интересно, я с ним не сплю. И не спала.

В третий раз я не поперхнулся, а подавился так и не высказанным словом. Только и смог выдать из себя:

– Э-э-э...

– Вот именно, – кивнула Элла Сергеевна, продолжая просвещать меня по теме о моих же собственных перспективах на сегодняшний вечер.

Который, кстати, должен был наступить уже через полтора часа. Несмотря на половину одиннадцатого на часах, что бесшумно тикали над дверью. О чем Эллочка и сообщила:

– Так что понимаешь – Игорь Петрович мне ни в чем не отказывает. В разумных пределах, конечно. Тебя вот вчера на работу взял. Сегодня нас отпускает пораньше. И машину свою дает, чтобы мы не позже двенадцати были на месте.

Где именно я спросить не успел. Элла Сергеевна явно умела читать мои мысли. Ну, или заранее настроилась на одну волну со мной. Это я так шучу.

– Так что обедать мы будем в «Панораме».

Присвистывать некультурно вслух я не стал. Но впечатлился. Объясняю для непосвященных: «Панорама» – это один из самых, если не самый-самый крутой из ресторанов столицы Древней Руси. Города Владимира, если кто, опять-таки, не понял. Сам я там ни разу не был.

Внутри. А снаружи, или по рассказам... нет, предпочитаю иметь собственное мнение. Обо всем. Вот как, например, о Эллочке. В руках-то я ее уже подержал...

– О, ё! – тормознул я себя неслышно, – не гони, Миша. Сказано же было: «В придачу». Хотя... ну, если Элла Сергеевна и эти мои мыслишки прочтет...

Мысли, кстати, были о круглых коленках, и о том, что мелькнуло выше. И Элла Сергеевна (настоящий монстр, однако!) не подвела:

– Мы там обычно часов до двух ночи зависаем. Кто-то и до утра остается. У тебя как настроение?

И женщина подмигнула так вызывающе, что я невольно сглотнул, и вспомнил почему-то, с точностью до копейки, что в кармане сейчас ждали своего часа ровно тысяча девятьсот рублей.

– Это на такси до дома. А еще...

– А еще, – бесцеремонно перебила мою мысль Эллочка, – тебе надо сбегать вон туда – за цветами.

Они кивнула на окно, за которым виднелось здание Центрального рынка. Там, в вестибюлях торговых павильонов, было сразу несколько цветочных магазинов.

– На такси может и не хватить, – сразу поскущел я внутренне.

– Сильно не траться, – чуть подняла градус моего настроения Элла, – букетом за двадцать тысяч у нас никого не удивишь. Найди что-нибудь оригинальное. Вот как я.

Где она до этой минуты прятала увесистую коробку, обклеенную чем-то ярко-красным и бархатным, я так и не понял. Размером эта коробка была с книгу большого подарочного формата, и таила внутри себя набор из трех самых обычных ножей внушительного размера, как-то крепившихся к белой атласной внутренности упаковки. Необычным было то обстоятельство, что дарить ножи, да еще на свадьбу... по моему мнению, это было чересчур. По мнению Элочки, кстати, тоже.

– Вот так и живем, – весело сообщила она, – мелкие гадости друг другу делаем, и радуемся.

Я машинально оглядел себя с ног до головы. Мои метр девяносто на «мелкую» не тянули даже в сидячем положении.

– Значит, будем изображать «гадость», – вздохнул я, поднимаясь.

Элла Сергеевна оказалась на ногах еще раньше. И дверь, ведущую из кабинета в коридор (других, к сожалению, тут не было) открыла, не дождавшись, когда это сделаю я. По коридору простучали ее каблучки; в направлении, прямо противоположном тому, где располагались туалеты. Очень, кстати, приличные и чистенькие. Полюбовавшись еще раз на вид сзади, я дождался, когда Эллочка остановится у дверей с табличкой «Приемная» и не оборачиваясь, постучит по часикам на запястье левой руки и скроется за тяжелым полотном какого-то ценного древесного массива. Вздохнул, и отправился в противоположном направлении. Почему-то после этой беседы опять захотелось туда.

Уже минут через десять я ходил между вазами, из которых торчали живые цветы самых разнообразных форм и расцветок.

– Условно живые, – поправил я себя, попытавшись уловить хотя бы микроскопическую частичку аромата от целого куста роз насыщенного бордового цвета, – они не умерли; просто не родились. Это не цветы. Это просто товар.

Нюх у меня был хороший. Но вот из этого букета, а роз в нем было не меньше сотни, ничего цветочного я так и не уловил. Запахи, конечно, были. Так могло пахнуть в магазине хозтоваров, в отделе бытовой химии. Или где-то в другом месте, тоже связанном с этой самой химией; одним из самых нелюбимых моих предметов. Хотя и усвоенных в академии на оценку «отлично». Не просто на отлично, а именно на оценку. А это две большие разницы, уж поверьте мне, вчерашнему студенту.

Локтем я прижимал к боку ту самую коробку, с ножами. Инструкцию насчет нее я получил краткую, но очень емкую:

– Упаковать, чтобы гармонировала с цветами, а открыть сразу было невозможно. Пусть помучается.

И все это Эллочка сообщила с доброй улыбкой. Такая же, но с небольшой примесью чего-то предвкушающего, и очень необычного, вдруг наполнила мои губы. Сразу после того, как мой нос дрогнул, уловив знакомые ароматы. Едва уловимые, но... почти родные, что ли. В академии запахи навоза – конского, коровьего, куриного, и много-много какого еще, меня сопровождали с первого по пятый курс. Что неудивительно, согласитесь – учитывая будущую профессию. И теперь чем-то таким тянуло из угла, в котором стоял единственный вазон, укутанный прозрачной упаковочной пленкой так, что отдельных цветков под ней разобрать было невозможно. Так, что-то темное, почти черное. Вот туда я и сунулся, ткнув пальцем в упаковку: «А это что?».

Продавщица, или хозяйка – судя по важности, с какой она общалась с покупателями – подошла ко мне, остановившись чуть дальше от вазона. И сообщила даже раньше, чем я задал вопрос вслух:

– Сейчас выбросим, уважаемый. Давно надо было, да что-то...

Я повернулся к ней. Женщина восточной (скорее кавказской) внешности по определению должна была быть выдержанной; скромной, что ли – в общении с чужим мужчиной. Она такой и была, наверное. Но не рядом с вазоном. Здесь она явно едва сдерживалась, чтобы не выругаться; громко, вслух. А потом выбросить несчастный вазон. Желательно подальше. Или подбросить его – кому-то, кого сильно не уважала.

– Значит, не хозяйка, – сделал я вывод, – чтобы выбросить, нужно разрешение. Ну, или из своего кармана выложить. Или моего. Сколько?

– Сколько (это я уже вслух)? И что это вообще такое?

– Гвоздики, – вздохнула женщина, – черные. Экспериментальный сорт. Отечественные, кстати.

– Это я уже понял, – усмехнулся я, – и почему?

– Триста, – озвучили мне ценник, – за одну штуку.

– Ни фиги себе, – удивился, и чуть возмутился я, – тут же самые дорогие розы по сто десять!

– Экспериментальные, – напомнила кавказская женщина.

Что-то в ее тоне мне не понравилось, и я важно, и очень мстительно кивнул ей: «Заверните. Три штуки».

Хотел добавить: «Так, чтобы ни одна молекула наружу не вырвалась... раньше времени», – но не рискнул. Понял, что продавщица, отчего-то жутко меня невзлюбившая в последние пару минут, исхитрится сделать какую-нибудь гадость. И не мелкую, а очень даже основательную. Вроде внезапно развернувшейся упаковки. В самый неподходящий (или подходящий?) момент.

Дальше она действовала стремительно, как, наверное, никогда прежде в своей трудовой деятельности. Не дрогнув, пропуская через себя густой аромат навозного амбре, я увидел три гвоздики, когда они уже были надежно обернуты в несколько слоев прозрачной пленки.

– Гляди-ка, – чуть удивился я, – действительно черные. А чего же запах такой... специфический? Не пробовали отмыть?

– Пробовали, – устало ответила восточная красавица средних лет и упитанности, – не помогает. А выбрасывать... их целую фуру привезли. Как открыли двери...

– Да, – пожалел я ее хозяев, – не повезло. Вот это тоже, пожалуйста, упакуйте. Такой же пленкой. И ленты побольше, в несколько слоев.

– Какого цвета?

– А давайте всех, – расщедрился я, – всех цветов радуги. Только черного не надо. Это будет уже перебор.

Женщина в радугах разбиралась. Стянула коробку поверх пленки точно в соответствие с детской считалкой: «Каждый охотник желает...». И, получив в оплату целых тысячу триста рублей, ткнула пальцем в верх цветочной упаковки. И усмехнулась как-то коварно. Но не от радости от того, что развела очередного лоха на дорогую упаковку (с ума сойти – целых четыреста рублей!), а представив, очевидно, физиономию того, или той, кому буду показывать на этот верх уже я. Как оказалось, в этом месте упаковочного пакета был предусмотрен липкий клапан, работу которого она и продемонстрировала. На мне.

Отодрав его с чуть различимым треском – ну, точно, как на упаковке с влажными салфетками – женщина привычным жестом сжала букет ладонью, направляя вырвавшееся в отверстие облачно тошнотворного аромата прямо мне в лицо. Откуда ей было знать, что с такими запахами я связал свою жизнь добровольно, и без всяких отрицательных эмоций. Я даже не стал ей сообщать с ехидной ухмылкой о своем иммунитете к такому оружию массового поражения. Просто убедился, что клапан опять плотно прилегает к основной упаковке, вежливо поблагодарил, и вышел. На свежий городской апрельский воздух. Как раз навстречу выхлопу автобуса, из которого выскочила целая толпа, жаждущая попасть на рынок. Почему именно туда?

– Потому что кроме него тут рядом только наша контора, да несколько подобных ей – типа ветеринарной клиники. А сюда надо... только мне.

И действительно в двери родного уже департамента вошел только я.

– Надо все-таки узнать, что произошло, – поставил я задачу себе, – целый департамент, и ни одной души. А, нет. Работают.

Это я так отреагировал на чуть слышный стук клавиатуры из-за неплотно закрытой двери. Решив, что для знакомств осталось слишком мало времени, я помчался на второй этаж, переступая через две ступени сразу. Элла Сергеевна, явно ожидавшая меня в коридоре напротив лестничной клетки, опять глянула на часики; и опять демонстративно. Настенных часов в коридоре не было, а доставать мобильник из кармана куртки было не с руки. Точнее, не с рук. Локтем левой я опять прижимал подарок, теперь уже в подарочной упаковке; правой готов был уже протянуть даме букет.

– Это что?

Элочка шагнула назад, шумно вдохнула носиком воздух, и улыбнулась – хищно, предвкусно.

– Это те самые гвоздики? Из контейнера, который Элиза Матвеевна потребовала вернуть поставщикам назад, не открывая?

Элизу Матвеевну я, естественно, не знал. Но вместе со словами продавщицы, и тем фактом, что находился сейчас в здании ветеринарного департамента, и говорил с его работницей, выстраивалась логическая цепочка. Которая заканчивалась тяжелым звеном в виде категорического запрета какой-то службы на реализацию товара. Вот этих самых гвоздик.

– Хотите понюхать, Элла Сергеевна? – я с вполне невинным выражением лица ухитрился поднять левую руку, не уронив коробку, до того самого клапана.

– Э, нет! – отшатнулась секретарша, – это же ты не для меня покупал?! Вот сам и вручишь невесте. Ха-ха!

Прямо так и сказала, двумя слогами, а не рассмеялась. И осмотрела меня уже совсем другим взглядом; с капелькой уважения, что ли? А потом погнала вниз, задавая на лестнице вопрос:

– Ты там Викторьча не видел, на директорской машине? Ах, да – откуда тебе знать? Ты же у нас новенький, не целованный еще...

Я к этому моменту уже стоял, держа руками открытую половину дверей. А Элочка задержалась на последней ступени; шевелила губами. Словно перекатывала меж зубов какое-

то слово. И смотрела с новым, очередным выражением лица. В неяром искусственном свете лестничной площадки выражения этого распознать я не смог. А когда Элла Сергеевна, одетая поверх платья в легкую меховую курточку неизвестного мне – даже с учетом диплома магистра ветеринарии, лежащего дома – животного, на личике ее был написан лишь вопрос: «Где же этот Викторovich, и его?..».

– Да вот же он!

Ухватив за рукав куртки, женщина потащила меня с мощью и неудержимостью танка к стоящей совсем недалеко, и урчащей негромко иномарке черного казенного цвета. Ну, как иномарке? «Форд-фокус», если не ошибаюсь, питерского производства, вообще-то среди автомобилистов-профессионалов иномаркой считался с большой натяжкой. Зато вот номера у нее – с тремя буквами, означавшей принадлежность ее «хозяина» к категории чиновников областного масштаба – уважение внушали. Тем более, что цифры на номере вписывались в первую сотню.

– «Хозяин», – пояснил я самому себе, – этот тот, кого возят, а не мужичок, непонятно как помещающийся на водительском кресле.

Водитель, явно пенсионного возраста и действительно гигантских размеров, которому больше подошла бы кабина КАМАЗа, едва заметно дернулся; вроде как выйти попытался. Но я уже стоял у открытой двери заднего ряда сидений, вполне искренне улыбаясь своей даме на сегодняшний вечер. И это с обеими занятыми руками – цените.

Элочка оценила: улыбнулась царственно, и вместе с тем милостиво. И ловко скользнула в салон, успев подхватить подол своего шикарного одеяния. Видимо, процедура эта, именно в этой машине, была у нее хорошо отработана. Ну, и я поспешил, хотя без меня «Форд» никуда не уехал бы. Все с тем же подарочным набором я и закрыл дверь за Эллой Сергеевной, открыл, перебежав позади машины, другую, тоже в заднем ряду, и плюхнулся на сиденье, выгрузив подарки рядом. Еще и пробормотал, вспомнив почему-то фразу из старинного фильма: «Между нами был кинжал». И сам же чуть не заржал; кинжалов, точнее ножей, в коробке было целых три штуки. А Элочка скомандовала, как только с мягким стуком захлопнулась дверца:

– Поехали!

Мотор продолжал негромко урчать, не повышая, и не понижая тона.

– Ах, да! – спохватилась секретарша директора, – ты же, Викторыч, не тронешься с места, пока не получишь точного адреса, и не забьешь его в навигатор. В «Панораму» поехали.

– Точно так, Элла Сергеевна, – сказал водитель совершенно обычным; точнее, совсем необычным – для мужика таких габаритов – голосом, – купили аппарат, так надо его использовать. На сто процентов. На какой этаж едем?

«Процентов» прозвучало с ударением на первый слог, но я решил, что Викторыч уменьшает уровень собственного интеллекта и грамотности предумышленно. Зачем-то же он подмигнул мне в зеркальце, с ехидцей; да с навигатором управлялся на удивление ловко; для своих седин.

– Сегодня все этажи наши, Викторыч, – похвасталась Элла, поворачиваясь ко мне, – хотя нас будет-то всего... считай – двенадцать на два плюс сама Лидка с женихом. Ну и родня ее, скорее всего, на пару часиков приедет.

Родня, видимо, Элле Сергеевне не очень нравилась; точнее – очень не нравилась. Поскольку слово это она произнесла вместе с лимоном, который откусила в этот самый момент. Впрочем, виртуальный «лимон» она тут же выплюнула, и начала пояснять. Как оказалось, это было вводным инструктажем; гораздо более понятным, чем в папке, которую я оставил на столе открытой.

– В общем, так, – начала так, совершенно не стесняясь водителя, – девки наши, включая Лидку, оторвы еще те. Но – нормальные. В смысле, и шутку поймут, и сами пошутят. Даже ниже пояса... Особенно ниже пояса. К папе Лидкиному, конечно, лучше не соваться. Ну, если

он сам с тобой не заговорит. К матери ты и сам не захочешь подходить. А если подзовет – молчи и кивай. Можешь сделать вид придурковатый – как Петр Первый учил.

– Гляди-ка ты, – немного удивился я, – какая начитанная.

Элла Сергеевна, если и поняла мою улыбку, которую я попытался изобразить той стороной лица, которая не была видна Эллочке, никак на это не отреагировала. А Викторыч – вот глазастый; видит, хоть и рулит – только довольно усмехнулся; в то же зеркальце.

– Может, будет еще старшая сестра Лидкина, Надежда. С дочкой, Катенькой. Девчонка, я имею в виду Катерину, нормальная, но дед с бабкой настолько ее пасут, что лучше не подходить. Ну, и последнее. Олег. Младший Лидкин брат. Вот этот говнюк так говнюк. Даже мать переплюнул, наверное. Да не наверное – точно. Этот, если прицепится, обязательно какую-нибудь пакость сотворит. И сам же ты виноватым останешься. Без фатальных последствий, конечно, но вот этим от тебя долго пахнуть будет.

Острие ногтя на указательном пальце Элочки чуть дотронулось до упаковки с гвоздиками, и тут же отдернулось. Словно его хозяйка боялась, что на блестящем ногте изумрудного цвета с вкраплениями мелких искусственных бриллиантиков появятся другие вкрапления; понятно какие.

– И главное, – вздохнула Элла Сергеевна, – убежать от него не получится. Даже пятиборцу.

– Ага, – с каким-то удовлетворением отметил я, – значит, мою анкету прочитала до самой последней страницы. И что она там отметила еще? Красный диплом? Адрес квартиры, в которой я прописан в единственном лице? Кстати, от «Панорамы» не так и далеко. Почти центр города. Можно на такси сэкономить.

Элла Сергеевна мою последнюю, такую изменную мысль прерывать не стала. Может, устала, а может, посчитала, что вводный инструктаж провела полностью. Разве что расписаться в журнале не дала. Но я ей напомнил.

– А другие, Элла... Эллочка?

– Какие – другие?

– Ну, которые «в придачу».

– Ах, эти? – Эллочка даже засмеялась, ничуть не смутившись нотке возмущения в моем голосе, – с ними – как получится. Кто именно будет, не знаю. Как правило – новые все лица. С того и интересно. Сильно выделяться не рекомендую: это с учетом Олеженьки. Ну, я думаю, что кто-то поколоритней тебя обязательно будет. Хотя пятиборцев там точно не встретишь. Я тебя такого первого вижу. Расскажи хоть немного, а то девчонки спросят, а я в теме ни бумбум. Какой-то комбайн у вас там. Прямо как в колхозе.

– Ни фигассе, – в который раз за сегодня изумился я, – про комбайн знает! Хотя чего там знать – набрала в интернете, и читай. Хоть про конкур с плаванием, хоть про шпагу с комбайном.

Но рассказывать начал:

– «Комбайн» – это у нас так называется последний, комбинированный этап соревнований. В какую-то хитромудрую голову пришла идея втиснуть в пятиборье биатлон. И теперь у нас не бег со стрельбой раздельно, а черт те что. Бежишь восемьсот метров, потом прямо без перерыва стреляешь из пистолета на десятку; потом еще восемьсот, и так – четыре раза, до финиша. Вот как-то так.

– Значит, – Элла продолжила делиться своей мудростью из интернета, – ты у нас чемпион и по фехтованию с конным спортом, и по плаванию со стрельбой, и бегать быстро можешь.

– Все верно, – кивнул я, – кроме одного. Никакой я не чемпион. Обычный кандидат в мастера спорта. И то – в комплексе. А так, я по отдельности, кандидата разве что по конкур выполняю. А по остальным – максимум первый взрослый. Так что чемпионом я не был, и никогда не буду. Данных нет. Да и время ушло.

Эллочка, видимо, хотела продолжить расспросы, но автомобиль мягко затормозил на площадке, выложенной плиткой, и Викторыч сообщил спереди:

– Приехали, граждане чемпионы. Выгружаемся. Насчет забрать команды не было.

– И не могло быть, – жизнерадостно ответила Элла, – сами не знаем, когда расхотимся начнем. Нет – разойдемся-то почти сразу, после первой рюмки. А вот когда по домам... Ну, кавалер ведь меня не бросит?

Я даже через куртку ощутил весомый тычок в бок женским кулачком, но ответить согласием не успел. Элла Сергеевна (с этой минуты – исключительно Эллочка) сама открыла дверь, и выпорхнула наружу. А Викторыч, теперь уже не посредством зеркала, а живую, повернувшись, – посоветовал мне:

– Ты, парень, не теряйся, но и Эллочку нашу не обижай. Хорошая она девка по жизни. Только не везет ей. По этой самой жизни. Ну, давай.

Я протянул вперед руку, дотронувшись ладонью до плеча Викторыча, и вышел из машины, чтобы попасть под внимательный, и очень насмешливый взгляд женщины, которая как раз отступила от Элочки. Они, скорее всего, успели и обняться, и расцеловаться, но к этой церемонии не успел уже я.

– Знакомьтесь, – синхронно представили две женщины.

– Михаил! – чуть раньше сказала Элла.

– Михаил! – эхом отозвалась ее подруга.

И обе, поглядев друг на друга, расхохотались. Ну, а мы с тезкой – пока две одноклассницы заливались вполне естественным хохотом – оглядели друг друга. Не знаю, что во мне разглядел визави, но я сам увидел перед собой копию Тарзана. Того, что танцовщик и стриптизер. Копию и мощной фигурой, и лицом, и светлыми длинными кудрями, которыми он тряхнул, протягивая руку. Рукопожатие его было крепким, но не чрезмерным. Парень лет на пять старше меня, явно не считал себя пупом земли, вокруг которого вращается все.

– Скорее шестом, а не пупом, – поправил я себя, улыбаясь в ответ.

В отличие от настоящего Тарзана, которого я, впрочем, никогда живую не видел, этот мне понравился. И волосы были ухоженными, чистыми, и улыбался он искренне, и лицо его было... интеллигентнее, что ли.

– Пошли-пошли, – заторопили нас девчонки – так я решил называть сегодня всех дам без исключения, – надо успеть посплетничать, пока Лидка с родителями не появилась.

Девчонки поскакали по широкой лестнице вверх; ну и мы поспешили за ними, еще раз переглянувшись. Не знаю, какая мысль пришла в голову «Тарзану», чуть заметно поморщившемуся синхронно со мной, но в моей голове прозвучал вопрос:

– А что, жених-то будет? Что-то про него никаких упоминаний. Или пятый все равно, что такое же по счету колесо для телеги?

Ответа, естественно, не дождался. Зато вместе с другим Михаилом успел к дверям, распахнутым наружу, как раз к тому моменту, когда с обеих сторон внутри разгибались два слугителя в костюмах, которые сделали бы честь любому британскому лорду.

– Вас ждут наверху, – проинформировал тот, что стоял справа, – позвольте шубку.

Ни курточка Элочки, не длинный плащ ее подруги, которую мне так и не представили, на шубы не тянули. Но услугами встречающих – как их надо было называть, я не имел представления – обе дамы воспользовались. Мы же с Михаилом, еще раз переглянувшись, синхронно помотали головой. И моя легкая курточка, и светло-серый свитер «Тарзана» вполне заменяли нам смокинги. А мне так и вообще без своей никак было не обойтись. Мобильник, да связка ключей, да тощий бумажник в карманы джинсов влезали с трудом, и смотрелись... совсем не смотрелись, в общем. А держать часть имущества в руках – так они заняты были; коробкой и запечатанным букетом, на который Михаил начал поглядывать с некоторым напряжением. Кстати, его руки тоже были заняты. То сразу обе, аналогичными подарками, то одна, ухитряв-

шаяся держать и какой-то сверток покрупнее нашего, и букет – у него открытый, выполненный в непонятном мне стиле. Каких-то сухих ветвей в нем было больше, чем собственно цветов.

Так что мы, не заглядывая в гардеробную, метнулись вперед, подхватывая свободными руками – я левой, а он правой – наших дам под локоток. Как раз тогда, когда они вступили на первую ступень, ведущую на этаж выше. Я еще успел оглянуться, и оценить богатство и наполненность столов, за одним из которых я, как обещала Элла, должен был пообедать. В том, что они действительно заполнены до отказа, я убедился. Тут, очевидно, сыграло то обстоятельство, что будут присутствовать родители. А вот наверху, очевидно, все было отдано на «разграбление» молодежи. Мебель отсутствовала, как класс. Одна стена, правда, была отдана под длиннющий, на вид очень мягкий диван; в противоположном углу стоял в одиночестве стол с гигантским самоваром и еще какой-то посудой, явно приготовленной для чае-и кофепития. Пока же тут пили другое. То, что предлагала пара официантов в белом, ловко снующие с подносами меж гостей. Тяжелыми, надо сказать. Один, посмазливей, явно обслуживал дам. Бутылки на его подносе были поярче, подлиннее и... пофигуристей, что ли. И посуда для питья была больше такая, какую на рекламных проспектах декларируют как коктейльную. И фужеры под шампанское были, как и само шампанское, конечно. А для мужиков (и желающих поддержать их дам) поскромнее, но покрепче. Впрочем, «скромностью» здесь ничего не дышало. Кроме некоторых из гостей. В основном парней, или молодых мужчин, среди которых я, на мой же собственный взгляд, выглядел не самым нищербодистым.

Пока же Элла с подругой, до сих пор неизвестной, тащили нас в самый центр зала, у которого практически не было одной стены – той, что выходила на высокий берег Клязьмы. Тащили, конечно же, в первую очередь, оценить как раз конкурентов. Тех самых, которые «в придачу». Ну, и я оценил. Глаз цепляло внешнее содержание трех из них. Кроме нас с «Тарзаном», конечно.

Первым, на ком не мог не остановиться взгляд, был негр. Самый обычный, не выделявшийся ничем кроме того факта, что других чернокожих тут больше не было. Нет, я не расист. И вполне допускаю, что среди жителей Африки и окрестных земель встречаются нормальные парни и девчата. Может, их даже больше, чем плохих. Но – вот будь у меня сестра, я точно не хотел бы, чтобы она гуляла под ручку с таким. А уж если бы не только гуляла...

– Нет, все-таки я немного расист, – констатировал я, переводя взгляд на другого, тоже отмеченного какой-то исключительностью.

Этот был белым – и кожей и костюмом. Белые, как вишневый цвет, заполнивший как раз владимирские сады, костюм и штаны, были даже на мой не очень просвещенный взгляд стильными и дорогими. Только вот висели они на вешалке как-то неряшливо. «Вешалкой» в данном случае выступал длинный и очень худой субъект в роговых очках, закрывавших собой половину лица. Последнее, и так не очень симпатичное, из-за толстых увеличительных линз еще и было перекошено; выступало под очками буграми. И глаза, в теории, возможно, вполне нормальные, сейчас больше подходили какой-нибудь глубоководной рыбине. Той, которую вытащили на поверхность. Никаких умных мыслей (см. – очки) они не выражали. Парень был настолько углублен в собственные размышления, что даже не соображал, наверное, какой именно напиток отхлебывает из вместительной рюмки.

Ну и, наконец, третий, самый здоровый здесь, был даже крупнее Викторыча. Судя по тому, как он зыркал глазами по сторонам, оценивая скользят по окружающим, это был спортсмен.

– Или бандит, – подумал я, – хотя спортом, какой-нибудь борьбой, все равно занимался. Можно считать, что свой. Кажется, я где-то когда-то эту фигуру видел. Еще до академии. Тогда, наверное, он был пощуплее. А теперь мясом оброс, и принарядился.

Этот парень, в отличие от очкарика, свой стильный костюм носил с уверенной небрежностью. Так, что и мускулы чересчур не выпирали, и в то же время было видно, что они у него есть, и не в малом количестве.

Я уже было направился к тому окну, что здесь заменяло стену, и из-за которого, скорее всего, заведение и назвали «Панорамой». Даже успел сделать пару шагов, убедившись, что моя поддержка, как и само присутствие Эллочке пока не требуются. Но меня тормознули – резко и бесцеремонно. Дама, отчего я естественно, и не стал возникать. За рукав меня дернула женщина, или девушка – так я их всех обещал называть. Эту девушку я тоже отметил сразу. По той причине, что она без всяких сомнений была тут самой красивой. Даже красивее Элочки. Но, если у секретарши нашего директора красота была больше домашней, теплой, с крошечной горчинкой стервозности, то у этой яркой брюнетки наоборот – природное желание покорить всех, а заодно и низвести окружающих до уровня грязи под собственными ногами, буквально било наружу из всех щелей.

Это я так неуклюже выразился. Если же нормально и объективно, то все в ней, каждая деталь – и лицо, и фигура, и короткое платьице, умело подчеркивающее все прелести – были совершенны. А все вместе заставляло держаться от нее подальше.

– Элка! – буквально закричала она, – кошка драная – давай знакомь нас. Кто с тобой сегодня такой гладенький?

Эллочка вцепилась во второй рукав моей куртки. Этой рукой я держал коробку, так что ее рывок ничем окружающим не угрожал. А вот букет недавно чуть не выронил – прямо под ноги брюнетке. Так что в основном внимание я уделял именно ей. А точнее – руке, которая едва не выдернула у меня букет. Моя же дама, судя по всему, такому обращению незнакомки с чужим «имуществом» (со мной, то есть) совершенно не удивилась. Фыркнув, она действительно представила меня:

– Галочка – это Мишенька. Личность загадочная и удивительная. Пятиборец, одним словом.

– Пятибо-о-орец? – протянула стервозная Галина, отпуская руку, и перемещаясь чуть вбок, оказываясь прямо передо мной, – и с какими это пятью он бо-о-орется. Или е-бо-о-орется?

– Ты не свисти, – вполне по-уличному ответила ей Элла, – и не смущай мне парня. Он еще не целованный.

– Вот же зараза, – попытался восхититься я, вспоминая недавнюю паузу Элочки в коридоре департамента, – она же уже тогда что-то такое спланировала.

– Не целованный? И-и-и!..

Дикий крик Галочки прервался, когда она впечатала свои губы, покрашенные чересчур ярко, кроваво-красно, в мои, никогда не знавшие губной помады. Роста девица была небольшого, но повисла на мне, практически обняв и руками, и ногами, так, словно на ее месте был, по крайней мере, «Тарзан». Или это я перенапрягся, спасая прежде всего упаковку букета?

Тем временем вокруг что-то происходило. И это тоже явно было домашней заготовкой Элочки.

– Девки! Девки!!! В очередь, – ее слова доносились до моего сознания словно издали – так оно было затуманено неожиданным жарким поцелуем, – не толпиться. В очередь. Я кому говорю – в очередь?!

Мои губы, и остальное тело, наконец, освободились. Но их тут же взяли в очередной плен. А потом еще, и еще... Я не видел лиц, фигур, и всего остального. Лишь машинально считал, да отмечал какие-то особенности:

– ... шесть. Вот этой не мешало бы зубы почистить. Что ей, интересно, на завтрак подавали? ... восемь. Блин, одни углы! Даже губами порезаться можно. Хорошо, что мазнула ими, и отвалила. Явно без желания целуется, без огонька. У них что – ритуал такой вводный, что ли?

И меня вводят в какой-то круг. Или тут каждого так?... двенадцать. Двенадцать! Последняя, что ли? Ум. м.м... – вкусно-то как. И рукав левый отпустили. Эллочка!

Я открыл, наконец, глаза, и убедился, что ни тело, ни левая рука, ни очи не обманывают – последним, и самым сладким (не считая первого, Галочкиного – признался все же я) поцелуем меня наградила именно она, моя девушка на сегодняшний вечер.

– А это кто?

К моему искреннему изумлению, все девчата, кроме Элочки, уже разбрелись по залу, не обращая никакого внимания на нашу пару, зависшую в поцелуе посреди него. И лишь одна стояла у окна, ряд которых занимал стену, противоположную панорамной. Она опиралась спиной, или тем, что пониже, на подоконник, и разглядывала нас очень внимательно. Я бы сказал, с какой-то брезгливостью и даже жалостью. Слово все, здесь собравшиеся, вымазались в дерьме, и только она вся такая юная, чистенькая, и никакого желания поднять нас до своего уровня; отряхнуть и отмыть, у нее нет. Потому что бесполезно. И поздно. Годы ушли.

Она действительно была много моложе других девушек. Точнее, молодых, или молодящихся женщин. А вот ее саму было рано еще даже девушкой называть. Ребенок, старавшийся казаться взрослой.

В глаза Элочки, до которых от моих было не больше десяти сантиметров, наконец-то вернулась суровая реальность, разбавленная тихой музыкой, что доносилась неведомо откуда. Она почти счастливо улыбнулась, потом поймала мой взгляд, косивший чуть в сторону помимо нее, и проследила его направление.

– Это Катерина, – сообщила она, – племянница Лидкина. Я тебе про нее рассказывала. Помнишь?

Я перевел взгляд обратно, попытавшись не утонуть в зелени Элочкиных глаз, и кивнул. Поэтому и не отметил, обернулась ли девочка Катя к окну полностью, или только голову повернула. Но что-то сделала такое, что позволило ей разглядеть изменения за пределами ресторана, и крикнуть негромко, но так, что расслышали все:

– Едут.

За этим единственным словом последовала короткая пауза, заполненная тишиной. А потом слитный крик, в котором невозможно было разобрать ничего, кроме имени: «Лидка!». И словно порывистый шквал, или гигантская воронка едва не засосала меня внутрь, утягивая вниз, на первый этаж, и дальше – на улицу. Туда, где к парадному подъезду медленно подкатили три белоснежных джипа. Вот это действительно были иномарки. Японские. Двухсотые «Лендкрузеры». Как я предположил, в люксовой комплектации.

Это я разглядел из окна, соседнего с тем, что оккупировала Катя. Да – я все же удержался, вырвался из жадных лап вихря, и остался здесь. Как понял чуть позднее, чтобы не иметь сомнительного удовольствия вручить невесте букет. Потому что Элочка вряд ли взяла бы на себя обязанность исполнить эту миссию.

– Или, не дай боже, ее матери, – я чуть не отшатнулся от окна, увидев пожилую даму, которой какой-то бодигард подал руку, выводя из высокого внедорожника.

С виду дама была вполне приятной. Даже красивой, несмотря на многие прожитые годы. Но вид ее надменного лица, да глаза... Я все же отшатнулся, когда эта женщина подняла голову и уперлась взглядом точно в меня. Показалось, что душу (если верить в ее существование) эта дамочка начала тянуть из меня прямо сквозь мощный стеклопакет; через несколько слоев толстого стекла. Струхнул я капитально. Так, что сквозь какой-то туман едва смог расслышать рассыпавшееся звоном колокольчика слово:

– Бабуля...

Дамочка внизу перевела взгляд: сместила его чуть левее, к соседнему окну. И давящее чувство, перекручивающее жилы внутри похлеще, чем это делал с мышцами дядя Коля, массажист нашей областной сборной, исчезло. Я бы даже сказал, поменяло полярность. И, если бы

можно было видеть глазами поток мыслей и чувств, я бы точно разглядел волну тепла и нежности, устремленную к внучке, Катеньке.

Перемена была настолько резкой и значительной, что я невольно отступил от окна, а затем и вовсе направился к противоположному – огромному, на всю стену и, наверное, толстенному – разве что не пуленепробиваемому. Потому что представить, что за все годы существования этого элитного заведения никто ни разу не вмазался спиной, или другой частью тела в эту хрупкую на вид преграду, было невозможно. Опасались, конечно, но что в хмельной ярости только не сделаешь? А заведение это для того и строилось, чтобы здесь пить (и кушать – а я сегодня даже не позавтракал; проспал!), а потом выплескивать наружу продукты переработки вино-водочной промышленности вместе с излишками буйного характера.

Остановившись перед прозрачным, едва заметным на солнце стеклом, я прежде всего помотал головой. Изгонял из нее наваждение – да что там говорить, обычный страх, навеянный бабулей Катеньки. Заодно и те слова, что родились в голове после такого потрясения. Так то я парень простой, и изъясняюсь вполне понятно; как и большинство индивидуумов вокруг. Но иногда находит – вот как с цветом Элочкиного платья, или сейчас, с этими самыми продуктами и характерами.

В голове чуть полегчало, и я постарался изгнать наружу весь негатив; заменить его той великолепной картиной родного города, что раскинулась сейчас передо мной. Ресторан не зря назвали именно так. От города, конечно, было видно совсем чуть-чуть. Квартал частных домов, спускающихся ярусами вниз и утопающих в нежной зелени и кипени цветущих апрельских садов. Слева и чуть выше видна была другая панорамная площадка – та, что входила в ансамбль древнего Успенского собора, и на которой рядом с конным памятником какому-то из древнерусских князей сейчас толпились люди. Тоже любопытствовали, как и я. Только я, за толстым стеклом, был, можно сказать, в тепличных условиях, а на той площадке стопроцентно задувал не хилый такой ветерок. Апрель, конечно, был теплым, но от Клязьмы всегда несло мозглой сыростью.

– А вот и она, кстати!

Я перевел взгляд ниже – на ровную, чуть различимую за деревьями, нитку железной дороги, и дальше, на реку, до сих пор полноводную от весеннего паводка. Еще дальше зеленели, а на краю горизонта, за дымкой, почти синели леса. Но так далеко я взглядом не добрался. Вернулся назад, к реке, а потом к дороге, на которой показалась серая лента. Чуть слышный гудок сопровождал поезд.

– «Сапсан». Точно он! – узнал я средство передвижения, которым пользовался вот уже несколько последних лет.

Между Владимиром и городом невест не было прямой ветки. Но жэдэ начальство выкрутилось. Пустило вот этот состав, который до города Коврова тянула электротяга. А потом, до Иванова, по старой, местами даже однокорейной дороге, его тащил до пункта назначения не менее старый тепловоз. Ну, или как там он правильно назывался; я – честно скажу – не интересовался. Вот на таком гибриде я и катался – домой, на выходные к бабуле Наде, и обратно. В последний, выпускной год реже. Потому что бабули не стало, и в городе меня никто больше не ждал.

– И сейчас не ждет, – с легкой горечью констатировал я, – разве что... Элочка. Подарки-то у меня здесь.

Я оглянулся – коробка с букетом действительно лежали на подоконнике, а Катенька метрах в двух от них активно махала кому-то в окно. Аж приплясывала на месте. Смотреть на это было интересно, но я без усилий оторвался от зрелища, чтобы проверить – что так резко помнялось снаружи, за стеклом. На первый взгляд – ничего. Вот, разве что, звук. «Сапсан», подъезжая к станции, должен был протяжно приветствовать ее сиреной, а потом умолкнуть – на пару минут, пока длилась остановка. Но звук, напротив, нарастал. И это был уже не механический,

чуть слышный шелест поезда, рассекавшего покатою башкой воздух, и «стрелявшего» колесами на стыках рельсов...

– Ну, вот – опять заговариваться начал, – подумал я, – значит, что-то произойдет.

«Что-то» нарисовалось точкой поверх горизонта. Она быстро росла, превращаясь...

– Фиг знает во что превращается, – мысли в голове ворочались тяжелыми глыбами, – что-то это напоминает. Что-то типа «Тунгусский», или «Челябинский»... Значит, будет теперь и «Владимирский». Только мне от оттого ни холодно, ни жарко...

А метеорит – если это действительно был он – словно замедлил свое продвижение по чистому небу. Еще одна мысль придавила изнутри такой же глыбой:

– Если я слышу шум; свист, визг и грохот... значит, он действительно тормозит. Скорость ниже звуковой; сколько это будет в кмэ в час? Может, не долетит?

Коктейль из звуков действительно заполнил уже все вокруг, и уровень децибел зашкаливал. А точка, превратившаяся в гору, надвигалась неспешно. Она явственно гнала перед собой волну чего-то ослепительно-яркого, и жаркого. Жара, впрочем, я пока не ощущал.

– А вон те, – вспомнил я толпу на смотровой у собора, – и эти...

«Этими» я обозвал жителей домиков и особняков, что теснились подо мной, на склоне. Взгляда я, впрочем, перевести не смог; даже не пытался. Что-то мешало мне отвести его от черной горы, несущейся прямо на меня, и ослепительного белого покрывала впереди ее, которые должны были смести с лица земли «Панораму», а вместе с ней и полгорода...

– И меня! Меня!!!

Сойти с места я тоже не мог. Страха, впрочем, не было. Обреченности тоже. Может, я уже пересек ту черту, что отделяет мир живых от мира мертвых? Перевел себя, так сказать, за руку. Почему-то захотелось их увидеть. Руки увидеть. Опустить голову я тоже не смог. Но поднять ладони до уровня глаз получилось.

– Руки, как руки, – отстраненно констатировал я, – разве что... просвечивают немного. Как на рентгеновской пленке. Каждую косточку разглядеть можно. А если так?

Я протянул руки чуть вперед, и растопырил пальцы, прижав их к теплому стеклу. И сквозь них увидел, как облако, предвещающее удар скалы, занявшей полмира, достигло стекла; облепило его, густея цветом до оранжево-желтого, и прозрачной преграды за самый короткий миг под пальцами не стало. Потом я в одно мгновение перестал чувствовать и ладони, и руки, и все остальное. А потом исчез весь мир. Вместе со мной.

Глава 2. Империя Золт. Запретный Лес. Четвертая луна сезона дождей. Данир уль Масхи

– Да что б тебя... баска сожрала!

Данир уль Масхи, Фиолетовый Ищущий второй ступени, выругался, наверное, уже в сотый раз. Хотя светло-багровый диск Светила, которое иногда можно было разглядеть за ветвями высоченных дабов, не прошел по небосклону даже первой четверти. Раздражало все. И крупные капли дождя, срывающиеся с ветвей, и разбивающиеся о защиту, и скрип кожаного седла, которое для него, Ищущего, подбирали с особой тщательностью, и лошадь, самая смиренная в конюшнях графа, и сам граф дум Гарский, и лес вокруг...

– Не лес, а Лес! – поправил он себя, – Запретный Лес! Что б ему пусто было. Что б...

Уль Масхи даже закрыл глаза, чтобы не видеть того, что раздражало. А раздражало его все! С того самого мгновения, когда он закрыл за собой дверь своей лаборатории. Той, что осталась в столице Империи, в благословенном и великом Амбоне. Закрытые глаза, и мерная поступь лошади словно утянули его мыслями назад, к началу второй четверти сезона Жары, когда, собственно, и произошли события, круто повернувшие его жизнь. Конечно, вокруг темнел Запретный Лес, полный таинственных и опасных существ. Но что могло угрожать ему, Ищущему достаточно высокой ступени? Да еще Знак защитный Высшего уровня на груди, да графская стража спереди и сзади, и целая сотня егерей, которые тут не столько ради добычи, сколько ради безопасности двух высокопоставленных персон – графа Вилима дум Гарского, и его самого, Ищущего, присланного сюда волей самого императора.

– А, нет, трех! – едва не сплюнул он на гриву лошади, на несколько мгновений опять открыв глаза, – как я мог забыть про графскую дочь, Майлену? Вот ведь ехидна! Все – все мысли прочь, кроме тех, что несут спокойствие и умиротворенность.

Ему, Ищущему Фиолетовой ветви искусства, отвечающей за Разум, было очень просто направить чужие мысли в нужном ему направлении; хотя он был больше теоретиком, чем практиком. Но вот свои...

Расслабившись, прогнав несколько раз сквозь себя теплые фиолетовые волны, он все же заставил себя вернуться в прошлое. Даже улыбка появилась на круглом, с виду таком простодушном лице, когда он почти физически ощутил себя в умиротворяющей атмосфере личной лаборатории.

Данир уль Масхи был приписан к имперскому анклаву Фиолетовых. Отдавал ему первую половину дня. Жутковатую половину, надо признать. Обязанностью уль Масхи было состояние Дворцовой Стражи. Тех десяти тысяч воинов, сквозь которых, пожалуй, не могла пробиться ни одна армия. В полном составе. Настолько идеально были подготовлены эти стражники, грудью своей и оружием охранявшие самого Императора.

– Еще бы, – беззвучно пробормотал Данир, не открывая глаз, – сотни лет тренировок, боев и предотвращенных заговоров. Ну, предотвращали, конечно, не они, а другие – к примеру, Тихая стража. Но мечами и алебардами кололи, и головы рубили именно они, мои подопечные.

Он вспомнил, чуть поморщившись, систему подготовки Дворцовых. Очень необычную систему. Поступая в Стражу – а там и конкурс, и проявленная личная доблесть в других войсках, и – что там таить – вездесущий блат... В общем, вступая в Дворцовую Стражу, неофит подписывал договор. Сроком на сто лет. В течение которой он получал неплохое жалование, дом в столице, где мог завести жену, и не одну, и детей. А главное – раз в год бесплатную процедуру Жизни, которую проводил коллега Данира. Тоже уровня не ниже Ищущего. Только, естественно, Зеленый, из ветви искусства Жизни. И ровно на этот год стражник молодец. И так сто раз. А потом наступала очередь его, Фиолетового, искусника Разума. Уль Масхи путем слож-

ных манипуляций заключал в кристалл все, чем, по сути, являлся Стражник. Кроме плоти, естественно. Плоти, с виду молодой, но с накопившейся усталостью, которую простым взглядом распознать было трудно. И которая могла подвести в решающий момент. А стражники – вы не забыли?! – охраняли самого Императора!

Куда девали тело без малейших признаков личности и разума, Ищущего не интересовало. Да и интересоваться было опасно. Смертельно опасно. Нет – у него были свои обязанности, и он их прилежно исполнял. Он работал с кристаллом размером с голубиное яйцо, в котором была вся жизнь стражника. Внедрял эту жизнь в неопита – на очередные сто лет. А навыки, которые обычные воины обретали годами тренировок и битв, передавались новому стражнику за очень короткое время. Которое складывалось из процедур самого уль Масхи, так и специальных тренировок, обеспечивающих срастания двух разумов, притирки навыков и талантов. И, если первые сам Масхи проводил в течение одной смены дня, то вторые могли длиться целую луну, а то и смену года, а то и дольше.

Что при этом происходило в голове неопита? Данир уль Масхи знал это, пожалуй, лучше любого другого. Потому что вторую половину дня был теоретиком, и занимался как раз этой проблемой.

А происходило вот что. Два разума – уставший, и молодой, но еще не окрепший, вступали в битву. Редко, но кто-то из двух уступал сразу, и тихо гас. Обычно же в четырех случаях из десяти побеждал старый. Еще на сто лет. Что он делал – оставлял свое имя, возвращался к семье – женам и детям? Ищущего это тоже не интересовало. У него были другие интересы.

В других четырех случаях побеждал неопит. Тут уже все по накатанному – смена года, и на место ветерана. А вот два случая из десяти были интересней. Это когда два разума в смертельной схватке убивали друг друга. По сути, получался полный идиот. Но – с обширным набором знаний и навыков опытного стражника. И опять в дело шел кристалл, вокруг которого крутились нешуточные интриги и, как подозревал Данир, немалые деньги. Ведь в этом случае неопиту не надо было бороться за право существования под Светилом. Он однозначно оставался в своем разуме.

И так из года в год. Так уже было, когда Данир уль Масхи достиг второй ступени Ищущего, и занял свою должность. И так должно было быть после него – когда бы это не произошло, куда бы его не направила судьба в лице Главы ветви Фиолетовых. А ему, между тем, нравилось это теплое место. И десять золотых ежегодные, и дом во внутреннем круге столицы (без жены и детей пока, но все некогда, некогда) и, самое главное – лаборатория, в которой он проводил большую часть своего времени. И чтобы не лишиться всего этого, Данир решил произвести небольшой переворот в Искусстве. Точнее, в той его ветви, адептом которого он и являлся. Фиолетовой, или Разума.

А конкретно, Ищущий искал способ вытянуть из человека лишь его навыки и способности. Без личности. Понятно, что сам уль Масхи при этом перейдет на новый уровень в Искусстве. Может, и работу потеряет. Точнее, перейдет на новую. Но что при этом сохранит и домик в столице, и денежное содержание, и лабораторию, и такие же, как у Стражи, бесплатные ежегодные сеансы у Зеленого...

В общем, цель перед собой уль Масхи поставил, и был очень близок к ее достижению. Сейчас, в лаборатории, которая представляла собой купол диаметром в сорок локтей, находился только он, и Фанел – слуга и помощник. Помощник бесправный и безотказный. А все благодаря рабскому ошейнику для Искусников – семислойному, способному удерживать любого мастера вплоть до Постигающих. Уровня которых самому Даниру уль Масхи никогда не достичь – природные способности не позволяют.

Фанел, здоровяк каких еще поискать, достигший в своей жизни лишь третьего уровня Начинающих, и переданный Даниру в рабство за какой-то проступок, стоял у того участка купола, который без защиты являлся дверью. Проводить хоть самые безобидные экспери-

менты в Искусстве без защиты категорически запрещалось. А Данир был законопослушным, насколько это было возможным. Вот и сейчас, убедившись, что все процедуры по безопасности исполнились, он негромко, речитативом, начал сопровождать таинство Фиолетового Искусства. А если проще – втискивать в кристалл, который был закреплен на треноге посреди массивного стола, грани Искусства, чуть отличные от обычных. Заклятие, иным словом.

– На этот раз все получится, – отвлекся он, наконец – когда цвет семи кристаллов, окружавших экспериментальный, что находился по центру окружности, достиг нужной степени окраски, – а завтра как раз получать очередного раба на эту луну.

Да – в Империи вполне официально было разрешено рабство. Все было прописано законами, которые сам Данир вполне принимал. Кстати, он и сам, Ищущий, мог стать рабом – тоже по закону. Подобных статей в законе хватало. И главным из них было – предательство интересов империи и императора. Но совершать ни этих, ни других, менее значимых преступлений он не собирался. И эксперименты свои он проводил вполне легально. И очередного раба завтра он подвергнет очередному, может, самому значимому в его, Данира, жизни, эксперименту официально – расписавшись за получение, и вернув бездыханное тело так же. Ну – если рабу не повезет.

– А если повезет – тоже. Хотя... может и оставлю, для продолжения эксперимента.

В этот момент радужные мечтания искусника прервали самым неожиданным способом. Купол, который в теории можно было открыть только изнутри, после окончания эксперимента, вдруг разверзся темным проемом в том месте, где была прописана дверь. И внутрь вступил человек, которого в империи боялись, наверное, больше, чем самого императора. Глава Тихой стражи.

Имени этого страшного человека уль Масхи не знал. Его вообще мало кто знал. Но в лицо узнавали многие – неслышный шепоток сопровождал этого невысокого, стройного человека неприметной внешности и не определяемого возраста, когда он появлялся на больших императорских приемах. Даниру тоже приходилось там бывать – по должности. И, как он предполагал (совсем не желая этого), после успешного завершения эксперимента таких визитов должно было стать больше. Но теперь, после такого вот поворота судьбы...

– Хотя еще ничто не определено, – попытался успокоить себя искусник, низко склонившийся перед важным имперским чиновником, – может, он просто пришел поинтересоваться экспериментом. Знать точно он, конечно, не знает – подробностей я никому не сообщал. Ну, просто стало интересно – чем это Фиолетовый Ищущий занимается в своей лаборатории вот уже который сезон подряд? А если точнее, то уже больше десяти лет.

– Встань, – приказал Глава спокойным, совершенно обычным голосом.

Уль Масхи, как оказалось, и на колени успел опуститься. Теперь же, после единственного слова, вскочил и вытянулся перед грозным вельможей так, как не тянулись в струнку даже неофиты – еще перед конкурсом в стражу.

С Главой Тихой стражи, как оказалось, прибыли еще два примечательных лица. В отличие от самого Главы, в этих работниках плаща и кинжала (так, кажется, и называли подобных людей), они словно олицетворяли Службу. Скользили по каменному полу, как стремительные грациозные таски – животные, которых невозможно увидеть, если они сами этого не захотят. И смотрели на него, Ищущего, словно выворачивая всю душу, все тайные мысли наизнанку. Глава, очевидно, отметил потрясение Данира – и внешнее, и внутреннее – и едва заметно усмехнулся. Ну, или изобразил что-то такое, что заметили его сотрудники. Хотя оба стояли за его спиной, и не отводили взгляда от уль Масхи. На Фанела, склонившегося на коленях так, что лбом он касался пола, они, кстати, не обращали никакого внимания. Хотя – это Даниру могло только показаться. А парни, или мужчины – их возраст тоже не поддавался определению – вдруг оплыли фигурами. Словно кто-то выдернул из них стальные стержни. И стали они выглядеть такими обычными, безобидными...

– Ты Данир уль Масхи, Ищущий второй степени, мастер имперского анклава Фиолетовых?

– Истинно так, твоя милость, – снова склонил голову затрепетавший душой Данир.

– Завтра у этой двери, – Глава махнул рукой, и двери без видимой причины с громким стуком закрылись и снова отворились, – будет стоять дорожная карета. Подорожная у Эмрела. Можешь забрать с собой слугу.

Паузу, такую тяжкую, Данир все же решил нарушить. С трепетом в душе, но нарушил:

– Куда меня пошлет воля твоей милости?.. И зачем?..

– Куда? – еще раз усмехнулся Глава, – граф Вилим дум Гарский остался без искусника. Думаю, что Ищущий второй ступени вполне подойдет такому важному дворянину. А вот зачем... Эмрел знает все. Надо будет – расскажет. А не надо...

– Но...

Уль Масхи все же набрался смелости, попытался рассказать и о своей важной работе, и – особенно – об эксперименте, но Глава Тихой Стражи его уже не слушал. Так же, как он не приветствовал хозяина лаборатории при появлении, так и не попрощался. Просто повернулся и вышел. Следом бесшумной тенью выскользнул второй из сопровождавших, оставшийся безымянным. Дверь хлопнула во второй раз за последние несколько малых фаз.

И вроде ничто не поменялось. Только внутри купола было теперь три человека. Если Фанела, раба, можно было так назвать. Эмрел, между тем, повел себя довольно бесцеремонно. Словно это он, стражник из Тихой, был здесь хозяином.

– При Главе ты точно не рискнул бы вести себя так, – с большой долей ревности за свое имущество подумал Данир, глядя, как его новый напарник обследует помещение.

Обследовать, собственно, тут было всего ничего – небольшое помещение для бытовых нужд, отделенное от основного зала шторами плотного полотна серого цвета; несколько шкафов, закрытых наглухо – там хранились ценности вроде кристаллов и книг; наконец, стол в самом центре купола. Шикарный стол, с массивной круглой столешницей из массива даба диаметром в два метра. Из единственного дерева, которое подходило для экспериментов искусников. Оно было – нейтральным. Не поглощало, и не отторгало из себя энергию Искусства, всех его семи проявлений. Поговаривали, что даже восьмому, Черному Искусству не под силу было пробить самый тонкий шпон из этого дерева. А вместе с ним его вполне можно было срубить, распилить или расколоть, а потом сжечь в печи – тепла даб, утверждалось в манускриптах, давал гораздо больше любых других пород деревьев.

– Ха, – воскликнул Данир; естественно, про себя, – хотел бы я посмотреть на того идиота, который топит свое жилище дабовыми дровами. Хотя... говорят, что там, ближе к Дикому, или Запретному Лесу, такое действительно может быть. Там этого даба... А кстати – ведь именно за графством Гарским и начинается этот Лес, с его диковинками и опасностями. И именно оттуда течет в империю, большей частью в столицу, тонкий ручеек природных артефактов. Другой бы искусник на моем месте прыгал бы сейчас от счастья – возможностей для самосовершенствования там целые горы. Да и я, даже с моей нелюбовью к перемене мест, не отказался бы прикоснуться к таинствам Леса. С максимальной защитой, конечно. И охраной; на сотню стражей. Но только после завершения эксперимента. В качестве награды, так сказать. Одной из наград. Эй, что ты делаешь, уважаемый?!

Последнее он воскликнул вслух. Почтительно, но и с большой долей возмущения и опаски. Как правильно обращаться к стражнику из Тихой, он не знал. Но, судя по тому, что привел его сам Глава, Эмрел занимал в этой организации не самое последнее место. Хотя и именовался единственным именем, как любой другой простолюдин.

– А что такое?

Эмрел круто развернулся – с кристаллом в руках. Тем самым кристаллом, над которым сам уль Масхи чах последние смены, как мать над больным дитем. Оно – дите в виде

кристалла – и сейчас было «большим». Ведь до придания ему совершенной, законченной формы оставалась последнее усилие, последний штрих Искусства. Тот самый, который запечатывает длинную, невообразимо разветвленную спираль заклинания, что готова была вырваться наружу, и начать пожирать разум несчастного, взявшего его в руки.

– Что такое? – повторил Эмрел, ехидно улыбаясь, – ты боишься за меня, уважаемый?

– Да, э.э.э... Эмрел, – Данир рискнул обратиться как к низшему по положению, – эта штука – которую ты держишь в руках (без всякого разрешения его хозяина, тварь!) – она очень опасна!

– Взорвется? – поднял иронично бровь стражник.

– Нет, уважаемый, но...

Вот именно – «но»! Хищная спираль заклинания уже должна была выпрыгнуть невидимой иглой наружу, и впиться в руку, и дальше, в голову безумцу, посмевавшему так вольно обращаться с неизвестными ему предметами в лаборатории искусника. И безумец этот уже должен был корчиться от болей в голове, или вообще упасть на каменный пол в судорогах, не в силах понять, куда истекает из тела все, что он обретал всю жизнь.

– Или несколько жизней, – внезапно успокоился Ищущий, – а этот человек совсем не безумец. И знает, скорее всего, что держит в руках; небрежно переваливает из ладони в ладонь. Но откуда? Откуда?!

Даниру опять поплохело. О своих изысканиях он никому не говорил. Догадаться о них...

– Ха! – с горечью воскликнул он, – секреты?! Какие могут быть секреты от людей, спокойно проходящих сквозь купол защиты не самого низкого уровня? Знают они все! И гонят меня из столицы, скорее всего потому, что знают. Ладно, хоть не удавили тихонько в темном углу...

Эмрел тем временем, не переставая злорадно улыбаться, остановил полет кристалла в левой ладони, и полез правой под ворот куртки. Самой обычной, недорогой, но сшитой добротно, на все сезоны. И достал из-под нее амулет – многолучевую звезду размером в половину ладони. Такую, или подобную ей Данир видел когда-то давно, в учебнике, еще в годы обучения в Школе Искусства. Но даже представить себе не мог, что сможет увидеть воочию вот так близко, и даже, возможно, потрогать самый настоящий амулет Высшей защиты. Такая вещь была безумно редкой; а уж о цене ее не нужно было даже думать; не то что говорить. Изготавливать ее могли лишь Главы ветвей Искусства. Все вместе, отринув на целую смену года все остальные дела. А если учесть, что одним из семи Глав – Красным – был сам император...

– Это какой же властью в Тихой страже, и в империи ты обладаешь, Эмрел? Или амулет попал к тебе случайно?

– Понял? – кивнул удовлетворенно стражник, опять подкидывая кристалл на ладони, – так что мне твой камешек... Я, конечно, не искусник, но любого из вас могу заткнуть. Не только за пояс – куда угодно. Вот сейчас я Пустотник, а понадобится...

Он коснулся пальцем кристалла на одной из граней амулета, и вдруг застыл, явно прислушиваясь к себе; внутри.

– Ага, – злорадно подумал уль Масхи, глядя, как стремительно бледнеет лицо Эмрела, – Пустотник он, видите ли! Не боится даже Глав ветвей. А как только отключил амулет... Отключил?!!

В единственном слове Ищущего, прорвавшемся наружу, было столько паники, сколько ее не было во всем Данире, когда он увидел перед собой Главу Тихой стражи.

– Отключил! Что же теперь будет?! Это конец! Самый страшный, какой только можно представить. Поднять руку на стражника из Тихой, приближенного самого Главы! И ничем не докажешь, что он сам, сам!

Эмрел, тем временем, уже валился мешком на каменный пол. Мягко, бесформенной кучей – словно кристалл выдернул из него все твердое и жесткое. А между тем уль Масхи знал,

что это было не так. Что набор тренированных мышц и всего остального в теле был совершенно тем же, что пару малых периодов назад – когда стражник кичился своей неуязвимостью. Он и был сейчас Эмрелом – только с девственно чистым мозгом и организмом, потерявшим все навыки, знания и опыт. Он даже ходить сейчас не мог; словно дитя, только появившееся на свет. Хотя – знал из прошлых экспериментов Ищущий – попытаться встать, и пройти этот человек мог. Такое в практике, в последних экспериментах было. Только вот кончилось бы это очень печально.

– Мышцы-то тренированные, и очень, – размышлял он, с усилием изгоняя из себя панику, – такие и кости могут сломать – собственные. Если направят усилия не в ту сторону, куда надо. А куда надо – мозг не знает.

– Фанел! – выкрикнул он резко, – путы давай!

Раб, так и не сменивший коленопреклоненной позы, сорвался с места длинным прыжком. Несколько ударов сердца, и он – даже без команды хозяина – умело стягивает конечности того, кто недавно был стражником, специально изготовленными путами.

– И кристалл не забудь! – напомнил Ищущий.

Сам он выдернуть изготовленный артефакт из судорожно сжатой ладони Эмрела не решился. Для этого надо было надевать специальные перчатки, изготовленные из волокон того же даба, и, естественно, имевшие такие же свойства. А зачем – когда есть помощник с рабским ошейником на шее, не оставлявшим в теле раба ни капли энергии Искусства. Фанел потому и задержался у уль Масхи, что привык понимать хозяина с полуслова. Ну, и с практическими навыками Искусства был уже неплохо знаком.

Оставив надежно спутанного стражника на полу, Фанел аккуратно, разогнув один палец за другим, вынул артефакт, и отнес его на место – на треногу посреди стола. Рядом с которым и застыл в ожидании новых команд. Ищущий дернул щекой особым способом, что на «языке», которым владели лишь хозяин с рабом, означало: «На место!». И раб, как послушная собачка, действительно скакнул к месту выхода, где и застыл в обычной позе; чуть расслабленным, но выразившим готовность опять сорваться с места – по первой команде Данира.

А искусник, с трудом подавляя панику внутри себя, приступил к последней, завершающей стадии работы над артефактом. Стадией, запирающей заклинание внутри.

– Точнее, уже не заклинание, а суть человеческую. То, что недавно было стражником Эмрелом. А может?... Нет!!

Он испугался собственной мысли – испытать артефакт тут же; хотя бы и на себе; ну, или на самом Эмреле, или, на крайний случай, Фанеле. Последний вариант испарился, лишь коснувшись краешком сознания Ищущего. Давать такие знания и опыт рабу, который, конечно же, в глубине души ненавидит его, Хозяина?!

– По крайней мере, я бы ненавидел, – хмыкнул Данир, потирая заболевшие от мысленного напряжения виски, – себе... никогда, и ни за что! Полной уверенности в артефакте нет, и быть не может. Эмрелу?! Простит ли он меня? Не факт. Но вот то, что доложит обязательно – это неоспоримо. И реакцию Главы предугадать нетрудно. К тому же ходить и разговаривать он будет в первое время как... пьяный. Пьяный! Кажется, нашел.

Кажется, Ищущий нашел выход, который мог отсрочить пытки и гибель в руках палача; хотя бы на ближайшие дни.

– Пьяный! – Эмрел должен выйти отсюда завтра, и сесть в дорожную карету. А то, что он спотыкается, и едва тащится – так пьяный же. А Фанел поможет – дотащит его.

Уль Масхи смерил взглядом две фигуры – внушительную, выше его самого на голову, и широкоплечего раба, и стражника. Тоже высокого, но куда более субличного. Еще совсем недавно стражник мог раскатать здоровяка Фанела в тонкий блин; как говорится, одной рукой. Или даже вовсе без рук – о Тихой страже ходили вообще те еще легенды. А теперь... теперь его, Эмрела, надо учить даже ходить.

– И говорить – хотя бы мычать младенчески. Пьяницы ведь так обычно и «разговаривают»!

Настроение Ищущего медленно поползло вверх; он, оставив уже полностью закрытый своим ключом артефакт в треногe, приступил к весьма приятному занятию – изучению, и, весьма вероятно, присвоению трофеев. В тех двух объемных дорожных мешках, что Эмрел приготовил в путь, и на которые сам Данир прежде не обращал никакого внимания. Но прежде...

– Но прежде! – ладони уль Масхи заметно задрожали, когда он склонился над телом бывшего стражника, – прежде обыщем его самого. Даже если у него нет ничего, кроме амулета, уже он один окупит сторицей мои страдания.

О том, что и страдания, и радость от обладания уникальным артефактом могут быть превраны в ближайшее время, и самым радикальным способом, он старался не думать. А предвкушение его не подвело. Сняв с шеи так не вовремя дезактивированный прежним хозяином амулет, Данир полюбовался на тяжелую металлическую звезду, сверкнувшую в неярком искусственном свете купола, и спрятал его в самом защищенном – как он решил – месте. На собственной груди, под курткой и рубашкой тонкой ткани. Амулет неприятно холодил, и даже царапался острой гранью, но никаких отрицательных эмоций этим у нового хозяина не вызвал.

– Потом, – довольно улыбнулся уль Масхи, – привяжу к себе и активирую потом, в спокойной обстановке и с холодным разумом. Тогда он станет и теплым, и ласковым. А это что?

К груди Эмрела, под распахнутой рукой Ищущего курткой, крепился такой знакомый каждому искуснику предмет.

– Это у нас кофр для кристаллов. Непростой такой кофр. Если хозяин не захочет, открыть его будет непросто. Надо же – открыт! Наверное, доставал амулет.

Данир невольно дотронулся до груди, где под одеждой еще не успел заполниться теплом живого тела артефакт. Правое верхнее гнездо кофра, которое Ищущий открыл первым, было пустым, и как раз подходило размерами под амулет Высшей защиты. Очевидно, стражник не везде мог появляться в таком амулетом на груди. И одел его, только на эту...

– Как ее? Во – операцию! – вспомнил уль Масхи спецтермин из словаря тайных служб, – одел, и забыл закрыть кофр. Надеюсь, что остальные гнезда не пустые?

С некоторой тревогой Данир открыл соседний – второй из двенадцати гнезд кофра. И чуть не задохнулся от очередного приступа счастья. Здесь тоже был артефакт. Конечно, не сравнимый с первым амулетом, но очень, и очень редкий. Он даже протянул вперед палец, едва не дотронувшись им прозрачного кристалла размером с куриное яйцо, внутри которого мерцала хорошо различимая искра. И тут же отдернул его в страхе. Он видел такой кристалл раньше. Один раз в жизни – в далеком, почти забытом уже детстве, когда, собственно, ему и сообщили, что он способен приобщиться к Искусству. Сообщил искусник, основной и единственной работой которого было ездить по городам, деревням и хуторам в надежде отыскать еще одного потенциального искусника. С помощью вот такого кристалла. Искра в нем притягивала; буквально высасывала энергию из искусников, показывая при этом предрасположенность того к ветви Искусства. В случае с юным, десятилетним Даниром, который тогда не имел ни второго имени «Масхи», ни приставки благородного искусника «уль», кристалл окрасился в слабый фиолетовый цвет. На что человек, на вид возрастом не старше тридцати лет, довольно кивнул: «Разум. Пока еще Начинающий. Но вполне, вполне. Еще немного, и дойдешь до Ищущего. Дойдешь?».

Мальчик тогда закивал так, что казалось – сейчас с тонкой шеи оторвется крупная, в пропорции к остальному телу, голова. Вспоминать, что было дальше, не было ни времени, ни желания. Потому что тогда он отринул свое прошлое – полностью. Дом, семью, друзей. Домом ему стала Школа Фиолетовых; друзей больше не было, как и семьи, впрочем. Знал, что родители не бедствуют – за него, искусника, им отвалили столько, что потратить их до конца жизни

в маленьком городке... это надо было постараться. И съездить туда, в город детства, за эти пять десятков лет, что прошли с того дня, не было никакого желания. Сначала это запрещалось. А потом – просто не захотел. И никаких угрызений совести не чувствовал. Может, уродился таким, а может, вытравили все нежности в Школе. Оставили только желание служить империи и императору, ну, и стремление к познаниям. О других слабостях человеческого организма речи не шло. На них денег хватало всегда.

– Фанел, перчатки! Мои любимые!

Он тряхнул головой, отгоняя совсем ненужные воспоминания, и протянул руку назад, не оглядываясь. Знал, что в ладонь тут же аккуратно вложат мягкие на ощупь, но очень прочные перчатки. Которые не горели в пламени Искусства, но были подвластны обычному огню; не поддавались ни одному из стихий, но которые с трудом, но разрезались обычным ножом. Почему любимые? Именно в них Данир проводил самые значимые свои эксперименты. И новый кристалл он намеревался снять с треноги, и убрать в предназначенное для него место именно этими перчатками, ставшими для него уже артефактом. Подняв к уровню глаз новый кристалл, он полюбовался на искру, мигавшую сейчас чуть ярче – артефакт явно поглощал слабые эманации в куполе, которых не могло не быть. А потом, положив кристалл на место, и аккуратно прикрыв гнездо, Ищущий открыл соседнее. Он увидел ничем не примечательный, абсолютно бесцветный и прозрачный кристалл, размерами не меньше Определяющего – так называли тот, с искоркой. Что это за артефакт, определить визуально было невозможно. А по теории, из школьных еще лет, это не могло быть ничем иным, как парой к Определяющему. Называли этот кристалл Очищающим, и без него амулет с искоркой был одноразовым. Потому что извлечь поглощенную энергию из него ни одним плетением Искусства было невозможно. Даже – утверждалось – Главам это было не под силу. А вот Очищающий возвращал Определяющему чистоту и яркость искры, стоило лишь свести два кристалла гранями. Куда при этом девается энергия, не знал никто. Так, по крайней мере, считалось. Сам же Данир не знал и того, как эти артефакты изготавливались. Или где их находили? И сейчас не хотел знать. Главное – они у него теперь были.

А вот зачем их взял с собой на «операцию» стражник из Тихой? Это навевало на определенные мысли. Точнее на одну мысль – главный интерес Тихой стражи в далеком графстве, конечно же, искусник. Или искусники – как бы дико это не звучало.

Искусников в Империи было мало; катастрофично мало. И практически все они жили и работали в столице. Точнее, в семи ее пригородах, каждый из которых был больше любого другого города империи. В одном из них, Фиолетовом, жил и работал Данир уль Масхи. А в герцогствах и графствах империи – лишь по одному, по повелению императора и Совета империи. Их, кстати, негласно называли Надзирающими. За герцогами и графами, соответственно. Конечно, не все имперские искусники сидели безвылазно в своих пригородах. Ездили по стране Зеленые, искусники Жизни – туда, где не справлялись обычные лекари; могучие Оранжевые, огневики, приписанные к армии в годы войны, ну, и другие, по другим случаям.

– Вот как я теперь, – подумал уль Масхи, решительно закрывая кофр и подавляя собственное любопытство (все – потом!), – нужно спешить.

Впрочем, кофр опять пришлось открыть – то гнездо, где прежде хранился защитный амулет. В слишком широкое для нового «постояльца» гнездо лег тот кристалл, который таил в себе саму суть Эмрела. А кофр занял свое место на груди самого Ищущего, прикрыв собой дополнительно амулет Высшей защиты. Изготовлена сбруя была так ловко и аккуратно, что после того, как раб затянул на спине последний ремешок, Данир практически перестал ощущать новый элемент экипировки. Разве что амулет немного кололся. Но его – так решил искусник – после активации и привязки можно будет повесить и поверх кофра. Пока же...

Пока раб, по команде хозяина, чуть ослабил путы на ногах Эмрела, вздернул его вверх без всякого почтения, и принялся волочить его по кругу, вокруг стен купола, приговаривая:

«Раз, два, три, четыре – шагаем, шагаем». И все это без единой капли эмоций в голосе. Хозяин велел – раб сделал. Фанел сейчас попросту учил бывшего стражника ходить. Вдалбливал навык путем многочисленных повторений.

Даниру его негромкое бормотание не мешало. Он собирался в путь. У Ищущего абсолютно не было опыта путешествий. Потому он решил использовать чужой – Эмрела. То есть, исследовать его дорожные сумки.

– Уж ты то, уважаемый, точно мастер путешествий, – сообщил вслух искусник – как раз когда передвигающаяся с черепашей скоростью пара прошествовала мимо него, – вот и посмотрим, что ты насобирал тут.

В сумах, на первый взгляд, не было ничего необычного. В одной – смена белья, тонкое одеяло, и еще какая-то мягкая рухлядь. Весил этот мешок, который можно было нести как в одной руке – за ручку, так и за спиной, накинув на плечи лямки, немного. Точнее, весил бы, если бы не притороченный к нему длинный и достаточно увесистый тюк. Разворачивал хитрые узлы Данир долго. Ни ножом, ни Искусством решил не пользоваться. Но – развязал.

– Наверное, я должен был сейчас разразиться криками счастья и запрыгать на месте, – подумал уль Масхи, вынимая из матерчатого крепления первый предмет – не очень длинную, на его взгляд, и не очень дорогую саблю, – впрочем, насчет недорогой – это я поторопился.

Такой вывод Ищущий сделал, чуть выдвинув лезвие из обычных, ничем не примечательных ножен. Сталь внутри блеснула тусклой синевой, по которой змеились едва видимые узоры. Уль Масхи не выдержал – снял с правой руки перчатку, и прижал к стали палец, пустив в нее малую толику энергии. Своей, Фиолетовой. Но узоры на лезвии обожгли руку проявившимся Красным пламенем так яростно, что искусник едва сдержался от крика боли. Только зашипел, удержавшись от желания тут же побежать к шкафу, где у него хранились кристаллы, заполненные заклипаниями; в том числе и несколько Зеленых, лечебных.

Однако боль была не сильной, скорее неожиданной. Да и не могла она быть сокрушительной – с той едва ощутимой порции энергии, которой поделился с оружием Ищущий.

– Продолжим, – скомандовал Данир, подавив волевым усилием болезненные ощущения, – это, я понял, вторая сабля, чуть покороче. Гм. м.м. . . Тоже артефактная. Получается, что Эмрел был. . . как там у них называется? Обоеруким? Двуруким? Еще и лучником? А это что?

Уль Масхи подержал в руках арбалеты – один за другим. Чем-то эти два грозных, и одновременно изящных орудия убийства отличались друг от друга. Оба были достаточно легкими, не заряженными и, скорее всего, тоже артефактными. Но проверять сейчас свою догадку искусник не стал. Так же, как ломать голову над тем, чем же являлись другие железки, которые он доставал одну за другой из кармашков и креплений, и засовывал их обратно. Их было много, и, будь они весом, как обычное железо, Данир не смог бы даже оторвать тюк от пола. Однако, завернув, и увязав его почти так же аккуратно, как прежний хозяин, он легко поднял и суму с мягкой рухлядью, и притороченный к нему тюк.

– Который тоже изготовили с применением Искусства. Только не могу сообразить, какого. Но это сейчас не важно. Посмотрим, что во второй суме.

Здесь было не менее интересно. Запас продуктов, каких Данир никогда не видел; походная посуда; еще одна сума, которую он определил как лекарский набор и, наконец, на самом дне, точнее, в этом самом дне – двойном и жестком – широкое плоское нечто, хранившее в себе две сотни золотых. Они одни должны были весить больше, чем сума вместе с ними, и другими припасами, но вот – взвалил же себе на плечи ее искусник без всяких усилий. К этой суме тоже было приложение – тубус с вложенными в него свитками. Самым большим и грозным из них был свернутая в рулон подорожная грамота. Прежде Данир подобных не видел. Он вообще никаких не видел, ни разу за пять десятков лет не покинув столицу. Другие свитки тоже имели на себе и печати, наведенные с помощью Искусства, и какие-то строки, понять которые он так

и не смог. Лишь один свиток был запечатан так, что открыть и прочесть его, не нарушив упаковки, было невозможно.

– Скорее всего, послание для графа, – подумал искусник, – вот пусть он сам и вскрывает. Скорее всего, именно я и должен был отдать его в руки графа. Вот и отдам. Если доеду. А это что еще?

Внутри тубуса размещались еще два; совсем невесомые на вид. Открыв первый из них, искусник безмерно удивился. Ну, вот зачем стражнику, не владевшему Искусством, нужны были рабские ошейники? Целый десяток для отступников-искусников, и (он открыл вторую емкость) целая сотня обычных, тонких. Или у Тихой стражи есть нужные амулеты? Наверное, есть!

Он опустил поклажу на пол, и присел – прямо на ступень, единственную у дверей. Немного кружилась голова от такой концентрации артефактных, и очень дорогих предметов. В нее влетела было даже давешняя шальная мысль – применить на себе кристалл с прошлым Эмрела. Не так интересны были навыки опытного воина и убийцы, как его память. Это что же делал стражник; с кем ему пришлось пересечься на своем жизненном пути, что получилось собрать такую невероятную коллекцию?!

– И еще один вопрос, – шальную мысль удалось отогнать достаточно легко, – зачем все это? Такое ощущение, что Эмрел забрал с собой все самое ценное. Зачем? Мысль приходит только одна – он не собирался возвращаться. Почему? И тут предположение только одно. Возвращаться ему смертельно опасно. Значит, он узнал что-то, что ему знать не положено. Почему-же его тогда отпускают, да еще так далеко? Ха – одно предположение за другим. Так далеко можно забрести в дебри собственных фантазий. А что – попробуем. Предположим... Есть у него какая-то тайна; какой-то грех. То, что еще не стало известно другим, прежде всего Главе Тихой стражи. Но может вылезти в любой момент. Вот он и собрался в путешествие... в один конец. А тут я, со своим кристаллом. Ну, ладно. Примерное направление сборов понял; надо ехать домой. Фанел! Роняй его на пол, да свяжи опять покрепче. И подавай карету. Едем домой.

Глава 3. Запретный лес. Михаил Столбов

Очнулся я резко, рывком. Скорее всего, сразу после того, как меня, а вместе со мной и город с «Панорамой» в центре погребла под собой каменная громадина. Сразу – потому что не успел упасть, или отшатнуться от бронированного панорамного стекла. Даже рук от него не оторвал – так и держал их перед собой, словно пытался остановить тот самый чертов метеорит.

– И ведь получилось? Получилось?! Или никакого метеорита не было? И город...

Города, кстати, тоже не было. Если только меня не обманывали глаза. Впереди, метрах в двадцати, не дальше, стоял лес. Из тех, какие называют вековыми. Я бы назвал его даже многовековым. Причем деревья – толстенные и высоченные, как на подбор – росли редко, словно ограниченные каждое ареалом питания, которого они больше никому не уступали. Даже траве – судя по тому, что лесная подстилка состояла исключительно из опавших листьев разной степени усыхания, и каких-то плодов, похожих, наверное, на желуди. Почему желуди? Так и деревья, что стояли мрачными колоннами, с листвой, совершенно не дрожавшей на ветру, были похожи на самые обычные дубы. Только агромадной величины. И еще – они были словно нарисованы; на картине, с обратной стороны панорамного стекла. Только вот никакого стекла не было. Я невольно мигнул, и какая-то преграда на месте бывшего толстеного окна все же проявилось. В виде столь же прозрачной, чуть мерцающей пленки. До которой от моих пальцев было...

– Да всего ничего, – пробормотал я, переводя взгляд уже на свои руки.

Они тоже мерцали каким-то неестественным блеском. Нет – не мерцали, а буквально полыхали внутренним огнем, по сравнению с которым слабая пелена нового панорамного ограждения как-то совсем не катила. Интенсивностью своей освещенности. Это было как сравнить морской прожектор с карманным фонариком. И фонариком тут был не я. В смысле, не только руки, но и весь я! Это свечение я видел даже сквозь куртку с рубашкой, и брюки с трусами-боксерами. Да что там говорить – в таком зрении я видел даже каждый из пальцев на ноге! Пошевелил ими, и различил каждый из них, с трудом ворочающиеся в тесных мокасинах. Тут я еще раз мигнул – уже сознательно. И увидел те самые мокасины, начищенные утром по случаю первого рабочего дня, плавно перетекшего в это вот «приключение». Еще одно шевеление веками, и пальцы опять шевелятся, видимые светящимися суставными цилиндриками, и кончики пальцев на руках еще более яркими искрами огня тянутся...

– Уже дотянулись, – констатировал я, – до того самого стекла, которого уже нет. А что есть?

Была та самая пленка, теперь уже искрящая гораздо интенсивнее; особенно в тех местах, где ее касались десять кончиков моих пальцев. Тоже, естественно, десяти. И эти самые кончики чуть покалывало. Не больно; скорее, даже приятно. Создавалось ощущение, что из меня в этот экран истекало что-то мое, благоприобретенное. Какая-то энергия. А я хомяк еще тот. Чужого, в общем-то, не надо, но и своего никому не отдам. И я с шумом втянул в себя воздух. Носом. А пальцами... что-то в общем сделал такое, что пленка с негромким треском лопнула – сразу в десяти местах (понятно каких), и исчезла. А пальцы (и все остальное) по-прежнему светили.

Я мигнул еще раз. И уже нормальным зрением, и присоединившимися к нему другими чувствами ощутил, что дубы снаружи самые настоящие; что оттуда, от леса, задувает ветерок, и что по небу в быстром темпе передвигаются тяжелые низкие тучи, сквозь которые невозможно было разглядеть, что там далеко впереди, за лесом. Но вот в сером небе проявился голубоватый просвет, не несущий ни капли солнечного света, и я успел разглядеть не так далеко горы. Точнее, две вершины практически одинаковой высоты. Что их различало?

– Ну, одна белая – покрыта снежной шапкой практически полностью. А почему вторая темная?

Мигнул. Какое-то объяснение появилось. Снежная гора осталась прежней. А вот над второй, темно-серой и каменной, словно курился какой-то дымок.

– Вулкан, что ли? – подумал я вслух, – действующий? Сейчас ка-а-а-к рванет...

Сказал, и сам не испугался. А чего было пугаться после того, как меня едва не разнесло на атомы ударом метеорита.

– Ага, – чуть нервно хохотнул я, – по стенам палаты номер шесть. В местном желтом доме. Иначе как объяснить вот это все?

«Вот это все» я сопровождал активным морганием, отчего одна из вершин стала похожей на мультяшную – та, в которой то появлялся, то исчезал дымок неизвестной природы. В очередной раз я распахнул широко глаза, и так и не закрыл их, не отметив даже, на какой фазе «мультика» это произошло. Очень уж меня испугал какой-то непонятный – всхлипывающий или хлюпающий – звук за спиной. На сто восемьдесят градусов я развернулся в прыжке. И замер, не в силах поверить в увиденное. Хотя ничего сверх невозможного не происходило. Ну, разбитое окно (единственное из многих); ну, девушка – Катя – лежащая на паркетном полу; ну, кусок стекла, торчащий из правой половины ее еще не сформировавшейся до конца груди... И тот самый звук, испугавший меня. Исходил он именно из груди – вместе с толчками ярко-красной крови, рвущейся наружу, и теми самыми всхлипами воздуха. Как профессионал – пусть не врач, но все же – сразу определил: исходит воздух из пробитого легкого. Очень неприятно пробитого. Даже отсюда, метров с двенадцати, было видно, что сердце девушки располагалось совсем недалеко от острого куска стекла.

– Где-то я уже похожее видел, – совершенно невозмутимо подумал я, передвигаясь к пострадавшей мягкими, стелющимися шагами (сам от себя такого не ожидал), – в каком-то фильме с Шварцем. Только там такой осколок огромного негра насквозь пробил, а тут хрупкую девушку... но не насквозь!

Как я это определил? Не переворачивал жертву, чтобы посмотреть – нет ли сквозной раны на спине. Я вообще пока не трогал ее, не понимая, что можно сейчас делать – с моими познаниями в медицине, а главное, с полным отсутствием медицинских материалов. Я просто присел перед Катей на корточки, и... мигнул. И увидел – внутри девичьего тела! Нет, не такое же свечение внутри, как у меня (мое, кстати, никуда не делось), и не сам кусок стекла внутри. А вот контур его, четко обведенный черными непрерывными штрихами, я видел так, словно тело передо мной было прозрачным.

Каюсь – мазнул взглядом ниже, но под платишком, достаточно скромно лежащим сейчас на ногах, не увидел ни трусиков, ни того, что они скрывали. Видел внутри лишь абрис этого стекла, и какое-то черное марево, клубящееся вокруг него, и – кажется – густеющее и расплывающееся вширь. Сердца и других органов тоже не видел, но почему-то был уверен – стоило этой черной заразе добраться до «насоса», примерное место расположения которого я осознавал, и все – кирдык! Если только это слово можно было применить к юной красивой девушке.

Глубоко вздохнув, и еще раз оглядевшись, убеждаясь, что ни врачей, ни средств спасения не наблюдается, я схватился за краешек стекла, и осторожно вытянул его из раны. Отбросил его в сторону, не в силах отвести взгляда от первого, бурного толчка крови – теперь ей ничего не мешало изливаться наружу. И хрипы из легких стали более явственными и глубокими. А черный клубок внутри не подумал исчезать. Платье в этом месте было практически разрезано; ляжка бюстгалтера тем более. Так что едва заметного усилие пальцев левой руки хватило, чтобы обнажить грудь полностью – и левую, практически отделенную от тела, и правую, не поврежденную. Но любоваться на них не было времени. Как не было и ничего, чем возможно перевязать или просто заткнуть рану. Нет, побегать вокруг – нашел бы. Или с себя рубаху содрал бы. Но время, время... И я сделал единственное, что пришло в голову. Нет, оно

в нее даже не пришло; движение было произвольным. Я просто зажал рану правой ладонью. В которую, кстати, вся грудь поместилась так, как будто они были созданы друг для друга.

Впрочем, окончательно в пошлость я сваливаться не стал. Прежде всего, благодаря картине, что видел теперь перед собой. Прямо сквозь собственную руку, и часть Катенькиной груди я увидел внутри нее что-то, напомнившее мне больше всего битву. Битву двух начал – того самого темного, клубившегося прежде вокруг осколка и другого, почему-то зеленого, яростно вгрызавшегося в эту черную муть. Я, кстати, удивился не самому факту извержения из моей ладони волн какой-то субстанции, не видимой обычным зрением (моргнул – убедился!), а тому, что, покидая мой организм, светлая, солнечная волна на границе двух организмов – моего и Катиного – одновременно превращалась в зеленую. Которая сейчас побеждала.

И победила, черт побери! Последняя капля черноты исчезла, поглощенная не менее интенсивной зеленью, и победительница – как с цепи сорвавшись – рванула вперед, по всем закоулкам девичьего организма. Теперь я видел его весь, под платьем, и всем остальным. Этого зеленого человечка весьма соблазнительных форм. Было ли это эротично? Я так и не успел это понять. Потому что рефлекторно сжал ладонь на такой мягкой, и теплой груди, и Катя открыла глаза. А потом – бац! – одарила меня совсем не эротичной пощечиной. И процедила сквозь зубы:

– Каз-зел! Руки убрал!

Ну, я и убрал. Руку, а не взгляд. Который зафиксировал голые, но абсолютно целые груди. Разве что на левой, недавно отрезанной почти начисто, едва виднелась тонкая светлая полоска – подобие шрама, который наверняка рассосался бы до конца, не одари меня Катенька пощечиной.

Бац! Еще одна – с условно раненой стороны – прилетела не менее хлестко.

– Значит, – улыбнулся я, – действительно все зажило.

– Ах ты! – чуть не задохнулась от ярости девушка, – ты еще смеешься! Вот я бабуле все расскажу!

Она оттолкнула меня с силой, какую я никак не ожидал в девичьих руках, вскочила на ноги и, придерживая обрывки платья на плечах сразу обеими ладошками, умчалась вниз. А я остался на этаже в одиночестве; с той же ухмылкой на губах, и растущей паникой внутри себя. Это я представил себе рассказ Катеньки бабуле, и ее реакцию. Объяснять же реальное положение дел я не собирался; во-первых – не поверят же, а во-вторых... не собирался, и все. Что-то противилось этому.

Увидеть, что творилось снаружи, и внизу, было нетрудно. По мере того, как я поднимался, передо мной возникали: сначала все то же низкое тяжелое небо, в котором где-то на горизонте проглядывало солнце; как бы не крупнее того, что сопровождало нас по пути в «Панораму». Его уровень над горизонтом, кстати, показывал, что или прошли почти сутки, и начался новый день, или время, вместе со светилом, отступило назад; часика так на три.

Следом показались все такие же дубы. Только горных вершин не было – ни заснеженных, ни голых, с дымкой. Я мигнул.

– Точно – нет. А внизу?

Внизу первым делом я нашарил взглядом бабулю. Немудрено – она «сверкала» ярче всех. Ну, как сверкала – если так можно было назвать тьму, которая клубилась внутри ее еще крепкого тела. Интенсивную такую тьму, которая – почему-то подумалось мне – не была привнесена, как Катеньке, раной (тут бы понадобилось сотня ран) а была природной; изначально или возвращенной многолетними тренировками. Рядом с ней уже стояла и что-то говорила Катенька, по-прежнему светившаяся зеленым. Только, кажется, уже чуть менее интенсивно. Она так яростно размахивала руками, показывая чаще всего в мою сторону, что легкие зеленые облачка так и отлетали от нее, заставляя бабулю морщиться.

– А может, она морщится; точнее – скалится по другой причине? О – ёбтыть!

Бабуля тоже махнула рукой. Но более яростно и прицельно, чем внученька. И прямо в меня полетел темный сгусток чего-то такого ужасного, что я предпочел бы выставить ладони еще раз против метеорита, чем против «этого». Я просто шагнул вправо, под защиту такого тонкого и хрупкого в этот момент стеклопакета. Черная клякса основной своей массой влетела на этаж, и так же успешно пролетела сквозь него, сгинув где-то среди дубов. Показалось, что кто-то там среди лесных великанов крикнул в изумлении и возмущении. Краешком клякса задела целый стеклопакет. Чернота вляпалась в стекло, и стекла по нему липкой неприятной массой. Я шагнул еще правее, к следующему стеклу – туда, где невесту поджидали такие «веселые» подарки».

– А где Эллочка? Ага – вот она. Ох, ты ж!

Даму свою я узнал по платью. Она, кстати, ничем не светила, в отличие от некоторых других гостей этой так и не начавшейся свадьбы. Но мне было не до них. На поляне, что вместила часть парковки с тремя люксовыми внедорожниками и практически всех участников вечеринки, включая немалое число работников «Панорамы», появились новые действующие лица. Или морды. Я чуть не выпрыгнул сквозь стекла пакета, чтобы попытаться прийти на помощь Эллочке, которую полностью накрыла темная фигура, выпрыгнувшая откуда-то из леса. Пара мгновений – и она выпрямилась во весь свой рост, который я краем сознания оценил метра в четыре, если не больше. Но основная часть моего оцепеневшего в ужасе разума не могла отвести глаз от того, что это чудовище держало в своих лапах. Это «что-то» – кровоточащее и уже не дергающееся, было смешано с обрывками чего-то голубого. Того самого, с подсветкой солнечного света. Элочки уже не было; были лишь куски мяса и костей, один из которых чудовище постаралось запихать себе в пасть. Тут я его и рассмотрел, неосознанно, но очень внимательно. Четырехметровая, как уже отмечал, туша была многовекторным гибридом Кинг-Конга и тираннозавра. От обезьяны в ней было человекообразное сложение с четырьмя руками-ногами, способными в мгновение разорвать человеческое тело, что этот монстр только что и продемонстрировал. А от динозавров – чешуйчатая шкура, да морда, вытянутая вперед так, что ее пасти с длинными кривыми зубами могла позавидовать любая акула. В такую, распахнутую, человек целиком вряд ли бы поместился, а по половинке, как Эллочка...

Может, вы подумали, что я сам бесчувственный монстр, способный оценивать животное, в то время, когда оно поедало мою даму? Может быть. Только почему зашипало в глазах, и я начал усиленно моргать, пытаясь увидеть что-то сквозь проступившие слезы? И опять какая-то часть меня хладнокровно фиксировала: по шкуре ящера, тускло мерцавшей желтизной, пробежали искорки – ну, точно, как по завесе, что недавно заменяла собой панорамное окно. А в глубине чудовищного организма так же маленькими солнышками выделялись, как в разлитом желтке, его внутренние органы. Совсем не такие, кстати, какими они должны были быть согласно курсам зоологии за второй курс академии и палеонтологии за третий. Присутствовал у обезьяноящера какой-то дополнительный орган, светившийся ярче всех остальных, и располагавшийся в районе крестца. И у него, и у...

– О, ё!

К первому монстру присоединились еще четыре. Двое, проявив недюжинный «интеллект», помчались вперед огромными скачками, в несколько секунд отрезав толпу от пути спасения. Если так можно было назвать двери в ресторан. Остальные трое уже без спешки, как-то деловито стали сжимать кольцо оцепления, сбивая жертвы в тесный кружок. Сомнений в том, что в круге этом никто не спасется, у меня не было. Не помогла даже отчаянная попытка двух бодигардов, чуть ранее помогавших спуститься из «Лендкрузера» Катенькиной бабуле. Последняя, кстати, стояла чуть в стороне, и прижимала к своей груди двух девчат – Катерину, и другую, постарше. Очевидно, дочь – судя по белоснежному платью невесты. И что удивительно – звероящеры продвигались вперед, явно огибая по дуге эту троицу.

Ну, и что я мог сделать? Чем помочь – не Эллочке уже, а всем остальным? Чем – если этих монстров не взяли даже пули, выпущенные из пистолетов в упор бодигардами, только что еще живыми. И что? В альтернативном зрении пули отскочили от бронированных шкур, ничуть их не повредив. Только чуть более яркие вспышки там, где металл соприкоснулся с живой плотью. А двух бодигардов прихлопнули просто и бесхитростно – разорвали на части, и бросили, даже не закусив.

– А у меня..., – я нащупал рукой букет, а потом коробку, – но если не попытаюсь, не прощу себе до конца жизни. Хотя, сколько ее там осталось? Здесь даже спрятаться негде. Разве что сигануть со второго этажа, и рвануть в лес, к тем самым горкам.

Руки, тем временем, сами исследовали коробку с подарочными ножами. Их было всего три, против пяти монстров, и, судя по цене и внешнему виду, сталь на них пошла не самого высокого качества. В последнем я, впрочем, не разбирался. Я, кстати, ножи никогда не метал; разве что в детстве, деревянные. Но вот надо было что-то делать и все! Палец провел черту по коробке, и вслед за ним поползла полоса сгоревшего пластика и картона. Так что все ухищрения восточной женщины оказались напрасными – ее радуга из ленточек никак не задержала меня. Без всякой альтернативы я выбрал средний – с лезвием длиной сантиметров в двадцать. Едва сдержал себя, чтобы проверить собственное мнение насчет качества стали. Побоялся, что потом не смогу выпрямить до первоначального состояния, чем собью баланс.

– Какой баланс?! – чуть не закричал я на себя, – ты хотя бы попади в эти туши! Не лезвием, не в глаз, а просто попади! До них же... метров тридцать, если не больше. А нет – они все ближе и ближе. Нужно спешить.

Я на пару мгновений застыл, пытаюсь вспомнить что-нибудь из теории по метанию острых предметов. В голову почему-то пришло видение совсем другого – ракета, несущаяся в цель, и тонкий луч, направлявший ее, и менявший курс по мере того, как эта цель пыталась увернуться. Когда я открыл глаза, на этот раз в режиме энерговидения, ножик, включая пластиковую ручку, сиял мерным солнечным светом. Он качественно отличался от того фона, что заполнял туловища зверей. Так цвет был именно желтым, а у меня...

– И у ножа теперь он действительно солнечный, словно соткан из тех самых семи цветов радуги. Ну, с богом... если они тут есть.

Нож полетел вперед и чуть вниз, к голове того монстра, в лапах которого погибла Эллочка. Полетел медленно, но еще медленней поворачивал голову в его сторону зверь. А за ножом действительно тянулся тонкий, но хорошо заметный особым зрением солнечный луч, начинавшийся в моей ладони. И управлять им было очень легко – силой мысли, или желания. Вот как раз пожелал, чтобы направление его полета сместилось чуть правее и ниже, а потом – чтобы ножик летел исключительно острием вперед, и пожалуйста – он уже торчит по рукоять в левом глазу чудовища. А по лучу продолжает поступать энергия, теперь явственно отличающаяся от животной. Луч этот продолжил движение по лезвию, и дальше – прямо к тому скоплению энергии в крестце. И вдруг набух там, явно переполняя центр силы, находившийся в интересном месте. И хоп!... негромкий хлопок, и чудовище буквально разорвало на две части; и взрыв начался именно там, где закончил свой путь луч.

В мир вернулись звуки; в основном издаваемые людьми – крики, стоны, даже какой-то почти нечеловеческий вой. А звери замерли, явно ощутив утрату. А я уже заполнял энергией второй ножик – тот, что поменьше. Как уже понял, в этом случае размер не имел никакого значения. Имело место количество «солнечной» энергии, перекаченное в зверя, и тот ее объем, который он мог вместить в себя без летального исхода.

Второй зверь издох, так и не тронувшись с места. А вот третий побегал, поуворачивался от самого крупного клинка. Бесполезно, конечно. От ракеты с самонаводящейся головкой он еще мог увернуться, а от моего ножика... Это я так себя похвалил – когда понял, что открыл для толпы путь для спасения. Конечно, не всем дано было избежать ужасной смерти, но если

они сейчас рассыплются, и бросятся в лес. Эта мысль пришла не только в мою голову. Кто-то внизу сообразил, даже не обладая панорамным видением с высоты второго этажа:

– Бегом! Бегом, твою мать!! Все бегом, врассыпную!!

Через секунду уже я готов был крикнуть – с прямо противоположной командой. Потому что кошмары сегодняшнего дня не кончились. Эти пять зверушек, успевшие натворить кровавых дел, были, наверное, детенышами – сыночками и дочками той твари, что выступила из-за ближнего к поляне дуба. В этом звероящере было ровно в два раза больше метров; минимум восемь. И пасть у него была. Он ее сразу и продемонстрировал, распахнув так, что в нее вместились крыша «Лендерузера»; среднего из трех, если что. Потряс зверь своей башкой, уже поднимая многотонный автомобиль на высоту собственного веса. Во все стороны полетели какие-то запчасти от японской машины; наконец, и вся она – то, что осталось – улетела в лес, грохнув там громко и обидчиво. А монстр, открыв себе путь к наступлению, поднял голову к небу, и заревел так мощно и торжественно, что меня буквально отнесло к противоположной стороне этажа, едва не выкинув наружу. А остановился я у того самого столика, где мы, наверное, пили бы чай с кофе, не встретиться на пути Земли злосчастный метеорит.

– С конфетами и свадебным тортом, – машинально отметил я, глянув на огромный, сантиметров восьмидесяти в диаметре, поднос; как бы не из чистого серебра, – весит он, кстати немало. И размерами – как раз под шею «папашки» обезьяньего. Ну, или «мамашки». Доброшу? Доброшу!

На пути к окну – единственному без стекол – я напивал поднос энергией. Так усердно, что моя собственная «светимость» заметно просела. Не до нуля, конечно – еще же наводящий луч надо было обеспечить. Еще я заметил, что стало холодно. Очень холодно, до дрожи. Сообразил – холодно было и раньше, но вот этот солнечный свет изнутри подогревал. А сейчас, когда он почти закончился, только и оставалось, что греться от нестерпимо ярко блиставшего подноса. Ладоням, кстати было тепло, даже жарко. Так что весь я дрожал, а руки послали вперед необычный снаряд вполне уверенно.

Зверь, наверное, так и не понял, что поразило его. Он так и стоял, с гордо поднятой головой хозяина окрестных лесов. Так и помер – только уже без головы. Размерчик подошел – только-только. Поднос смахнул страшную башку, как горячий нож масло, и полетел дальше, так же неторопливо, сверкая маленьким солнцем. И ткнулся в ствол дуба, и отлетел от него, по-прежнему полыхая – когда я моргал в нужный раз. А ящер еще постоял, и упал, не разорвавшись, как три других. И что-то там внутри светилось у него по-прежнему.

Но мне, если честно, уже было не до зверей. Я бы, наверное, не стал даже убегать – появись тут один из двух оставшихся в живых монстров. Вру, конечно; убегал бы из последних сил, уползал бы. Только вот сил этих осталось очень мало. Меня всего колотило – и от возбуждения, и от холода; от владимирского апрельского тепла тут ничего не осталось. Скорее снаружи был октябрь, если не ноябрь. И дождь, кажется, начал моросить – благо, я был под крышей. А еще жутко хотелось есть. Нет, не есть – жрать! Желудок сводило так, словно он уже начал есть самого себя. И я, конечно же, вспомнил про столы, накрытые внизу. К которым, скорее всего, никто так и не притронулся.

Как метнулся вниз, и оказался за столом, который удобно приткнулся в самом углу, я так и не понял. Ощутил себя уже в сознании, когда кто-то подергал меня за рукав. Я отмахнулся, выдернув руку, и закинув ею последнего запеченного перепела, что громоздились недавно на блюде посреди стола. Ел я их вместе с костями, хрустя, чуть не проглатывая целиком. И запивал клюквенным морсом прямо из графина. Только пошарив по пустому блюду, и оглядев стол, на котором ни одного блюда не осталось не тронутым, я поднял голову. Рядом стоял тезка, Михаил. Лицо его было уставшим и каким-то потерянным. И в то же время взгляд его выражал безмерное изумление и даже восторг – так он, очевидно, оценивал мой аппетит. А я что – лишь пожал плечами, и схватил со стола еще что-то; уже фруктовое.

– Ну, ты и жрать! – покачал он головой укоризненно; явно хотел добавить: «Как в тебя лезет в такое время?», – но сдержался, продолжил, – там какие-то местные появились. Двух зверушек умотали какими-то сетями. Хрен знает как у них получилось. Наверное, надо выйти, познакомиться.

– Ага, – выразил я сомнение полным ртом, – познакомимся, а потом в кутузке окажемся местной. Для разбирательства. А будут там кормить? И чем? И когда? А я последний раз ел вчера вечером.

Лицо Михаила стало задумчивым. Мое тоже – но уже изнутри. Меня уже не тряс колотун, и я мог соображать более-менее продуктивно:

– Ну, местные; ну поймали. Сейчас начнутся разборки – кто остальных завалил? А может, я в чью-то охоту влез ненароком. Трех зверушек попортил бесповоротно. Да еще неизвестно что насчет моих подвигов скажут. Или не скажут, а сделают. Сдается мне, что в мире с такими монстрами лучше не высовываться. Лучше слиться в общую массу. Так что прав Миша – идем в народ.

Последнее я и сообщил тезке. Он пошел впереди, закрывая меня своей широкой грудью; или спиной, на которую я пока пялился. Так, в колонну по одному, мы и вышли наружу, под серое неласковое небо, пока прекратившее одарять землю и людей дождем. И уткнулись, или растворились в толпе, прижавшейся к стенам ресторана. Почему никто не вошел внутрь? Не знаю. Боялись, наверное, монстров, которые сейчас негромко поскуливали, стянутые в неопрятные комки чешуйчатой брони, где с уверенностью можно было различить разве что головы с сомкнутыми пастями. Где были руки, а где ноги – непонятно. Вот задницы – это да. Там по прежнему «горели» пока негасимым огнем неведомые железы, аккумуляровавшие магическую энергию. Михаил шагнул влево, я направо. Меня словно потянуло туда что-то. Или кто-то.

– Ну, наконец-то, – выдохнул я, притиснувшись к стене, и спрятавшись тем самым за не такой высокой, как Михаил, женщиной. Той самой красавицей, что развела меня недавно на первый поцелуй.

– Галочка, кажется. Что-то она уже на меня не реагирует никак. Ну, и ладно. О чем это я раньше? Ага – вот я и сказал: «Магия». Верю я своим глазам? Честно скажу: «Не верю!». Хоть и не Станиславский. Потому придумаю себе сказочку. Вот лежу я сейчас на больничной койке, весь обколотый обезболивающими и успокоительными, и редко-редко открываю глаза. А рядом сестричка – вот она, Галочка-красавица. А потом снова проваливаюсь в сон; вот этот самый. Жутко страшный. Но интересный, если исходить из того, что это все-таки галлюцинация. Из этого и будем исходить. Получать удовольствие. Если получится.

Вокруг действительно сновали местные. Охотники – судя по костюмам и оружию, представленному луками со стрелами, короткими копьями и топорами. Другие, одетые скорее как средневековые солдаты, стояли полукругом – как раньше трое зверей. У них и копья, тупые концы которых они уперли в землю, были подлиннее; и мечи наличествовали – у каждого. А у некоторых и арбалеты в руках были... в нашу сторону нацеленные. Я в средневековой истории был не силен; реконструкторы... ни одного даже знакомого не было, а по редким прочитанным книгам про попаданцев судить о воинах, и их предводителях глупо.

– Ага – тут и конница есть!

Цепь конных воинов была реже. Но и выглядела внушительней. Вся в железе; частично даже лошади. Словно на войну собрались. Хотя тут самая настоящая битва недавно прошла. С моим участием. И кто из нее в итоге вышел победителем? Пока непонятно. Но точно не те, кого сейчас стаскивают волоком к опушке, отдельно от окровавленных кусков звериного мяса. Тел там было многовато – я явно пропустил часть кровавого пиршества звероящеров; пока сам насыщался.

Командир стоял там, где концентрация солдат была самой высокой – между автомобилями, но ближе, чем туша упавшего зверя-переростка. Чем был примечателен? Для меня – прежде всего тем, что изнутри он светился заметным красным пламенем. Словно его поджаривали под кожей. Никаких заметных неудобств он при этом не испытывал, что было неудивительным. Я и сам – когда светился намного ярче – только кайфовал от этого. Рядом – чуть правее и сзади – стоял еще один «маг». Этот светился поярче, но так, словно его облили чернилами. Тоже изнутри. Самыми обычными, фиолетовыми.

– Этот не воин, – решил я, – колдун местный, наверное. Мантии, конечно, нет. И костюм вроде обычный, цивильный. Но вот несет от него чем-то профессорским, ученым. Как от нашего дрища-очкарика. Интересно – жив он? Надо же – жив! И совсем рядом. А самое интересное – тоже чернильная душа. Светится фиолетовым изнутри даже ярче, чем местный. Но есть и отличия. Местный внутри послабже. А снаружи буквально полыхает чистым светом – сантиметров на двадцать вокруг тела. Как будто защитным коконом окутался. И свет этот, такой же чистый, как мой, истекает из какой-то штуковины, спрятанной под курткой.

– А еще кто? – я с трудом оторвал взгляд от этого предмета; явно магического, и немалой силы, – ух, ты – тут что, Зазеркалье? И у нас Красный!

Так я обозвал коренастого мужика; пожилого, с властным лицом. Нашего, из Владимира, стоящего рядом с бабулей, невестой и Катенькой. Явно отец и дед; из областной администрации. Эта группа притулилась у стены с самого края, подчеркнута отдельно. Бабуля по-прежнему полыхала чернотой, а из Катюши медленно истекала зелень; как я понял, благоприобретенная, от меня. Кто еще?

С другой стороны от дверей были еще двое «цветных». Крупный мужик в высоком белоснежном колпаке; явно шеф-повар «Панорамы». В его облике не было ничего звериного, но светился он почему-то точь-в-точь, как звероящеры. Ровным желтым цветом. Рядом стоял тот самый здоровяк, которого я принял за блатного. Почему-то подумал, что это именно он командовал, подгоняя толпу в лес. И был он, скорее, все-таки военным. Но каким-то хитрым, прятавшим свою истинную ипостась. Вот сейчас он на блатного совсем не походил. И зыркал из-под мохнатых бровей, явно оценивая воинскую выучку местной армии. Этот ровно «горел» оранжевым.

– Ага – еще одного пропустил. И немудрено, такого заметить.

Еще одним «цветным» был действительно цветной. Негр. Тоже в живых оказался. Он едва светился зеленым. На фоне темно-серой кожи оттенок был почти незаметен. С непривычки можно было даже предположить, что его просто мутит до зеленого состояния от вида крови и еще парящей плоти разумных и неразумных созданий, которая покрывала поляну. Но нет – у меня глаз был уже наметанный. Зелень эта из одного порядка с остальными. А поскольку его я за грудь не лапал, и по роже от него не получал, значит, что? Окрас этот естественный, природный. Что бы это не означало.

– Ну, и когда начнем? Мерзнет ведь народ.

Я после плотного обеда уже не дрожал; чувствовал себя вполне комфортно; в плане состояния физического тела. А вот Галочку впереди трясло, пожалуй, даже сильнее, чем меня наверху после эпичной битвы. И я не выдержал, распахнул куртку, и обнял женщину, попытавшись запахнуть замшевые половинки уже на двоих. И Галина послушно прильнула ко мне, даже не обернувшись. Может, она успела сделать это раньше, пока я разглядывал «магов»? Мои действия, как оказалось, не остались незамеченными. Нет – местным на нас с Галочкой было пофиг, а вот с самого края нашего неоднородного строя, от семьи чиновника, фамилию которого я так и не узнал, донеслось громкое возмущенное фырканье.

– И кто это у нас такая глазастенькая? Кто бы мог подумать – Катенька. Ну, да ладно – не привыкать. Переживем.

Я чуть отвлекся, осознав, что руки, которыми я сейчас обнимал женщину, обхватив ее под грудью уверенного третьего размера, опять светятся. Совсем чуть-чуть, но все же. И – что интересно – это свечение перетекает и на Галину. А после того, как я потянул эту энергию в себя (точно так же, как прежде, с экраном наверху), она опять ощутимо задрожала.

– Расслабься, и получай удовольствие, – приказал я себе, ну и Галочке заодно, чуть слышно; свет опять перетек на женщину, прижавшую меня к стене с нешуточной силой.

Галина, если и расслышала мой шепот, отреагировала совсем не на него. Она, как и практически все остальные, а значит, и я, посмотрели на дверь. Оттуда под конвоем местной стражи выводили персонал. Ресторана, естественно. Видимо, появиться пред ясные очи чиновника и жениха с невестой было позволено лишь главному кухонному кудеснику.

– Ну и молодцы, – прокомментировал я, – иначе лежали бы сейчас вон там, на опушке.

Эту группу неслабыми такими тычками прогнали мимо нас, расположив у стеночки компактной группой так, что ни Катеньки, ни ее родственников я больше не видел.

– Ну, и слава богу, – чуть не перекрестился я, вспомнив опять бабулю.

Я машинально пересчитал халдеев – так почему-то обозвал работников ресторанный бизнеса. Всего их было двенадцать. Поваров, официантов, еще каких-то граждан гражданской наружности. Девушек было три – две официантки, а третья... Третья – мечта. Мужская, естественна. Почему-то с ней у меня сразу же и прочно ассоциировался шест – там, на первом этаже, на подиуме, где еще ждали своего часа музыкальные инструменты.

– Теперь, наверное, уже не дождутся, – чуть грустно констатировал я, – электричества ведь нет. Разве что на барабанах кто-нибудь постучит. Хотя что это я?! В таком ресторане не могло не быть запасного варианта, на случай аварии на электролинии. Какой-нибудь генератор. А оно надо – показывать местным все наши возможности? Похвастаться? Или выставить аргументом в торге? Если он, этот торг, будет.

«Красный» командир, между тем, стронулся с места, и направился к нам – как танк. Нет, он не выглядел тяжеловесным, подобно латным конникам. Хотя защита на нем присутствовала. А когда он подошел поближе, я разглядел, что его одеяние – и куртка, и штаны, и даже сапоги – пошиты из чего-то, очень сильно напоминавшего шкуру звероящера. Учитывая, что пуля их не взяла, костюмчик явно был не из дешевых. «Фиолетовый» двигался за ним, держа дистанцию. А уж следом за последним полукругом вышагивали воины с нацеленными в нас арбалетами. Командир уже открыл было рот, чтобы толкнуть речь (на каком языке, интересно?), когда послышался дробный перестук копыт. Это из леса вымахали сразу несколько всадников. Но лишь один из них не остановился у внешней цепи охраны; доскакал практически до начальства. И там спрыгнул, в несколько шагов оказавшись рядом с командиром. И оказалось, что не прискакал и спрыгнул, а как раз доскакала и спрыгнула. Потому что незнакомец сорвал с головы полукруглую шлем-шапку, и по плечам разметались рыжие волосы, так красиво оттенявшие ровный оттенок красного огня, которым она светила внутри гораздо менее интенсивно, чем папаша. Да – сомнений у меня, что командир был ее отцом... ну, по крайней мере, дядей по все той же отцовской линии, не было. Так они были похожи – и огненно-рыжим цветом волос, и лицами, особенно тяжеленными подбородками, и даже статью. Фигура девицы, в такой же люксовой броньке, как у начальника, была скорее мальчишеская, да и скакала она по-мужски, и очень уверенно.

– Кстати – насчет подбородка, – обратил свое внимание себе же, – на кого-то же он похож, знакомого. Точно – Михаил Шуфутинский! Один-в-один! Только без бороды. Он что, спеть нам хотел? Типа: «...одинокий мужичок за пятьдесят...». Или это кто-то другой изображал? А дочка? Тоже Шуфутинский. Только женского пола, и помоложе. Вон как глазами зыркает. Хорошо, что не на меня. Прилипла взглядом к здоровяку, которого я поначалу считал спортсменом-бандитом, а сейчас воякой. Для девушки определенно размер имеет значение.

Родитель посмотрел на дочку с высоты своего роста как-то неодобрительно. Настроился, наверное, на речь, а тут прервали. Может, поэтому речь эта была короткой, и какой-то порывистой, рваной. А тон, с каким он обращался к незнакомцам, то есть к нам, мне не понравился. От слова совсем. Потому что говорил он с нами, как пастух со стадом баранов. Или, скорее, как хозяин пастуха. Но тоже с баранами. Ни одного слова я не понял. Вообще ни одного. Соседи, как я догадался, тоже. И сам командир это понял. Потому что повторил – но явно уже на другом диалекте. Теперь его речь была еще более гортанной. И такой же непонятной.

Тогда он отступил на пару шагов назад, вместе с дочкой (буду называть ее так, пока меня не поправят), и кивнул «фиолетовому». Тот шагнул вперед тоже не один. С помощником, наверное. Только вид у последнего был... в общем, мне не понравился. Не сам парень – у меня на этот счет была Галина, прямо в руках. Вроде крепкий, чуть выше меня ростом, а плечи! В общем, здоровяк. Только вот лицо было какое-то неживое. Хотя нет – какие-то эмоции оно выражало. Вселенскую усталость от жизни, и еще угодливость, желание броситься по первой же команде хозяина.

– Вот!

Почему-то пришло отчетливое понимание, что я вижу перед собой первого в своей жизни раба. И широкая полоса на шее, внутри которой я отчетливо различал семь горящих ровным светом нитей – точно в таком же порядке, как ленты на злосчастной коробке с ножами – не что иное, как рабский ошейник. Магический. И что, возможно, сейчас такой же оденут на меня. Не хо-чу!

«Фиолетовый» – буду называть его магом – не произнес ни слова. Нам. А вот спутнику, которого я уже не воспринимал иначе, как раба, что-то бросил через плечо. Процедил несколько слогов; как кость собаке бросил. Тот среагировал мгновенно. Из-за плеча же протянулась рука с кожаными перчатками.

– Не кожа! – однозначно констатировал я, – они скорее вязанные; из чего-то растительного. И очень необычные.

Откуда такой вывод? Очень просто. Когда маг водил руками перед своей грудью, одевая перчатки, они практически заслоняли от меня свет от артефакта. Который я, между прочим, видел, даже когда он прежде зачем-то повернулся к лесу. А к нам, естественно, спиной. Вот этими перчатками он поправил на груди какую-то сумку, тоже заметно гасившую свечение амулета. Сума эта раскладывалась так, что маг стал похож на офеню. Ну, бродячего торговца, если кто не понял. Только носимый прилавок был поменьше. И пустой – «украшенный» лишь рядами каких-то клапанов. Я их насчитал двенадцать; три ряда по четыре.

Вот из ближнего к нам, второго справа, маг и извлек камень. Точнее, прозрачный кристалл, внутри которого ярко мерцала искра. Я на всякий случай моргнул. В обычном зрении искры не исчезла. Так и мерцала в крупном бриллианте с бесчисленными гранями; размером с голубиное яйцо. А может, это был какой-нибудь горный хрусталь. Или страз. Я вообще-то в драгоценных камнях не разбираюсь. Как и во многих других вещах тоже. Моргнул еще раз – как раз в тот момент, когда маг прижал кристалл ко лбу женщины, имя которой я так и не узнал. Пока. Той самой, что познакомила меня с Михаилом. Он, кстати, стоял, так же как я, подпирая спиной стену, и обнимая свою подругу. Парочка стояла по другую сторону дверей, изображая почетный караул – то есть не шевелилась. Мы с Галиной изображали что-то подобное с нашей стороны. Только вот Мишин свитер не распахивался, как моя куртка, и потому согреть свою даму так основательно, как я, он не мог. Ну, и внутренней энергии не наблюдалось. Ни у него, ни у нее. Что тут же и подтвердил маг.

Как я уже отметил, он прикоснулся кристаллом к женскому лбу, и что-то прокаркал. Вру, конечно. Сказал вполне нормальным голосом. Слуга, или раб, вытянул даму за рукав из объятий кавалера, который противиться не стал. И правильно сделал, на мой взгляд. Потому что кристалл тут же коснулся лба Михаила. И он по эстафете – раб, а потом пара конвоиров

из числа солдат – последовал за своей половинкой. Места для тех, кого маг проверил своей штуковиной, отвели на «нашей» половине; чуть сбоку. Как раз напротив группы чиновника. И вроде бы ничего – обычный шмон при ЧП. Кроме одного – и Мише, и его даме маг ухитрился ловко, одним движением, накинуть поводки. Или ошейники. Как я предположил, тоже рабские. Но узкие, с одной тусклой бесцветной полоской внутри и плоской металлической блямбой вместо застежки.

– Может, – предположил я, – они вовсе не рабские? Может, это какой-то самоучитель местного языка? Что-то такое в книгах писали...

Очередь двигалась достаточно быстро. Причем, весьма своеобразно. Маг не сделал ни шагу. Это к нему двигали людей, подталкивая тупыми концами копий. Впрочем, никто не пытался огрызнуться, или как-то еще высказать свое возмущение. Скорее готовы были проявить любопытство. Оно и выплеснулось – когда изумленный возглас исторгнул из себя маг. Кристалл как раз прикоснулся ко лбу повара, чью голову по прежнему украшал высокий белоснежный колпак. В магическом зрении было хорошо видно, как желтизна, заполнявшая его тело, вдруг стремительно покинула его; словно кристалл, или искорка в нем поглотила ее с силой промышленного пылесоса. Теперь ее, искорку, было едва видно сквозь желтый туман, заполнивший кристалл. Я моргнул. Искорки не стало. А туман остался. Вернее – в обычном зрении маг держал в ладони крупный огранный камень интенсивного желтого цвета. Казалось, он не мог поверить своим глазам; настолько ошарашенным было его лицо. Вот теперь он действительно «каркнул». И подскочили к шеф-повару сразу двое солдат. И повели его – без копий, очень бережно и уважительно, под руки. Я бы сказал, с видимой опаской. Но – с ошейником. Широким, семицветным. Таким же, как у раба Фиолетового мага. Для повара отстойником стала другая часть площадки – напротив уже практически безлюдной стены. Там оставалось-то всего три человека, среди которых сюрприз магу, и остальным местным мог (и должен!) был принести вояка. «Оранжевый» внутри, если кто забыл.

Порядок действий местного «фиолетового», тем временем, изменился. Он откинул еще один клапан у «лотка», который перекинул было за спину. Теперь на свет появился еще один кристалл, абсолютно бесцветный; в обоих зрениях. Я, пока маг шарил по закромам, успел поиграть глазами, и поудивляться. Дело в том, что первый камень не поменял своего цвета; остался желтым и в обычном видении.

– Ага, – выдвинул я вполне рабочую версию; выдвинул себе, конечно, – первый кристалл явно индикатор. Выявляет субъектов, владеющих, или предрасположенных к магии. И саму предрасположенность тоже. Цвет магический, так сказать. Или ту магическую область, в которой человек может применить свои способности. Вот как шеф – в поварской. Нет, слишком узко. Профессий-то у нас... да и здесь, скорее всего, не перечсть. А цветов у радуги – перечсть можно. Ровно семь. Есть, правда, еще оттенки. Всякие серо-буро-малиновые. С продресью. А что второй камень?

Второй кристалл в долю секунды «высосал» желтизну из первого. В котором снова замигала яркая искорка. А вот куда подевалась энергия из второго, я так и не понял. Не увидел, если быть точнее.

– Накопитель? Тогда почему «искра» не тянет энергию обратно? И главное – где та самая продресь желтая? Куда девалась? Ну, ладно – тут тоже интересно.

«Тут» – это при виде застывшей фигуры мага. Он сейчас тестировал нашего вояку. Оранжевый ручеек послушно перетек в камень с искрой, окрасив его соответствующим цветом. И опять я не уловил того момента, когда энергия в первом кристалле исчезла. Потому что во втором ничего не появилось. А если и появилось, то сразу ухнуло в бездну, куда моему (точнее, моим) зрению хода не было. Вояка присоединился к повару.

– Ага, – с внутренним трепетом подумал я, когда маг все же соизволил сделать несколько шагов в бок, останавливаясь прямо напротив нас с Галей, – интересно, как бы ты завершал,

если бы в кристалл хлынула вся та энергия, которая была во мне раньше, еще до ножей и подноса? Выдержал бы тогда твой камушек, не развалился бы?

Я, кстати, был даже рад тому обстоятельству, что таким вот образом получилось сбросить то, чем меня «наградил» метеорит (не забываем – галлюцинация!). Теперь я успешно слился с толпой. Еще бы улики – коробку с цветами и упаковкой успел бы сжечь, так и вообще можно жить и радоваться.

– Ага – с ошейником на шее. Холодный, черт, и скользкий. Противный, зараза. Словно живую змею на шею набросили. А если так?

Я уже стоял в общей массе, куда как раз один за другим прибывали работники ресторана, и опять грел собой Галю. А собственную дрожь в районе шеи я решил попробовать убрать, влив в ошейник чуть-чуть собственной энергии. И влил. Так, что едва успел подхватить ошейник, который превратился во все ту же «змею», но уже не кусавшую себя за хвост. В общем, освободился я нечаянно. И что делать? Набегут ведь сейчас демоны, замуруют. Пришлось мне отрывая от волнующих изгибов Галиной фигуры обе руки, и пытаться как-то приладить ошейник на место. Огляделся – вроде бы никаких подозрительных взглядов нет. Такие же любопытствующие и чуть испуганные, как у меня самого. А большинство вообще смотрят вперед – туда, где маг знакомился с «коллегой».

– Ну, это надолго, – решил я, – займусь пока своей проблемой. Буду исходить от обратного.

От «обратного» – это так: раз я «вбросил» в ошейник энергию, то теперь надо ее... Не буду упоминать слова «отсосать». Я не из таких. А вот делать буду. Я совместил два кончика ошейника, и дал мысленную команду. На шее стало опять холодно и противно. А я поспешил перебить эти не самые приятные впечатления, покрепче обняв Галину.

Знакомство у стены, между тем, состоялось. Маг даже чуть поклонился очкарику. Но надеть широкий ошейник не забыл. Потом была еще одна забавная сценка – когда к нему длинным копьём подтолкнули негра. Может, таких загорелых людей «фиолетовый» до того не видел. Парнишка тоже был почти фиолетовым, но только снаружи. А маг – вот отчаянный – поплевал на палец, и потер по щеке нашего земляка. Я в детстве тоже думал, что их, африканцев, сапожным кремом мажут. Вот было бы смешно, если бы мои детские предположения сейчас подтвердились. Но никто не смеялся. Даже «красный» командир. Я как раз на него посмотрел. Вид у него был чуть удивленный, и очень-очень довольный – он как раз буквально ощупывал взглядом трицу моих соотечественников, окруженных предупредительной стражей. Рядом с командиром стоял не примеченный мной раньше человек из местных, из которого таки перло голубизной. Не подумайте ничего плохого – это был действительно цвет. Голубой. Внутри человека. Который сейчас яростно шептал что-то своему сюзеру. А тут и рукой показал – на негра. Маг все же признал в последнем родственную душу. Только не черную, а зеленую, что подтвердил тот самый камень с искоркой. А вот насчет черной...

– Ой, что будет!...

Первым, впрочем, к магу твердым шагом подошел глава семьи. Его, кстати, стражники угостить тычком копья не решились. Впрочем, как и всех его родственников. Лицо мага, когда он определил очередного избранного, я видеть не мог. А вот командир местный едва не приплясывал от радости. Такое, наверное, даже для дочери его было непривычно; очень уж изумленно она на него глядела. Хотя я бы на его месте особо не радовался. Конкурент ведь появился. Чиновник сверкал внутренней красной энергией как бы не ярче главы местного бомонда.

– Да пусть человек порадует, – все же милостиво разрешил я, – даже Катеньке. Хотя с последней все неоднозначно.

Зеленого сияния в ней осталось так мало, что маг покачал в сомнении головой, но все же отправил ее к бабушке. А вот тетю ее, невесту, отправили к нам; как бы ни пытался возму-

щаться чиновник. Но и он успокоился, и напряженно впился взглядом в супругу, которую подвели к магу издали, лишь кивками и характерными движениями рук. Почему-то никто из стражников не решился даже обозначить укол копьем в ее направлении. А бабуля шагала тяжело, и смотрела с вызовом, как, наверное, привыкла смотреть на любого, кто пытался ограничить ее в желаниях и действии. Здесь же пока все получалось не по ее.

Маг привычным жестом прижал камень с искоркой к бабулиному лбу, и вдруг завизжал дурным голосом. Что там уж произошло – сам ли он отшвырнул камни вместе с лотком, или бабка помогла, но результат был следующим: маг упал на задницу, а его сума полетела гораздо выше нас, теряя на пути кристаллы. Можно было изобразить метафору – мол, на нас просыпался звездный дождь. Только вот «дождик» был весьма весомым; скорее метеоритным, и возглавлял его горизонтальное падение кристалл, в котором искру практически было не разглядеть. Так плотно его заполнила чернота. А другие камни... Мне почему-то приглянулся фиолетовый, обернутый, словно шоколадная конфета, в тонкий золотистый фантик. Я еще успел моргнуть, убедиться, что для всех остальных с виду это обычный кристалл; прозрачный и ничем не отличимый от других, пролетающих над нами так удобно, что...

В общем, никто, я надеюсь, не заметил, что моя рука на долю мгновения скользнула по Галиной груди, и выше, и хватанула кусок воздуха, а вместе с ним и этот камушек. Да я и сам не отрывал параллельно взгляда от той комедии, которая стремительно разрасталась в драму.

«Фиолетовый», наверное, никогда не чувствовал себя таким униженным и оскорбленным. А еще – испуганным. Его лицо, которое он повернул назад, к нам, выражало то, что в книгах называют непереносимым ужасом. А губы тряслись, и выплевывали в атмосферу единственное слово незнакомого языка. Я его на всякий случай запомнил.

Но вот словно кто-то переключил что-то в его организме. Или он сам вспомнил, кто он есть на самом деле. На лицо начала напозать какая-то страшная маска. Чем там все закончилось, я не увидел, потому что маг повернулся, и легко вскочил на ноги. В ту самую секунду, когда стражники; как я подозреваю, с закрытыми глазами, уперлись остриями копий в грудь старушки. И не только в грудь. Почему с закрытыми? Так я решил, хотя видел лишь их спины и затылки, прикрытые круглыми шлемами. Но несколько копий просто не попали в достаточно крупную мишень. Заскрежетали по камню, которым был отделан фасад «Пирамиды». Но их было много, очень много. Стражники буквально толпились, пытаясь дотянуться до старушки. Копьями, естественно. И давили, давили; так, что и эти наконечники, наконец, заскрипели по камню. Но уже совсем с другим, могильным скрипом. Ведь они были смазаны человеческой кровью. Самой обычной, красной. И лишь мне, наверное, было видно, что с этой жидкостью на отмокту изливаются темные волны, в какие я ни за что на свете не решился бы нырнуть.

А бабуля, тем временем, была еще жива. С яростными, и очень громкими криками к ней бежал муж, и дочка, и внучка. Точнее, пытались бежать. Даже сделали по несколько шагов. А потом маг махнул в их сторону рукой, с которой сорвалась ветвистая фиолетовая молния. Каждая ветвь нашла свою цель; даже тех, кто не сделал ни единого шага в напрасной попытке помочь старушке. И все пятеро, включая неподвижных повара, негра и вояку, рухнули на плитку, дергаясь в корчах и беззвучно раскрывая рты. Еще я успел заметить, что в их широких ошейниках налилась цветом, даже потолстела фиолетовая линия. А сами ошейники, напротив, ужались, впелись в шеи так, что невозможно было дышать. Наверное.

– А, нет – точно! О, ё!!

Маг махнул еще раз, теперь уже в направлении нашей толпы. И еще одна молния, не такая мощная, но гораздо более ветвистая, полетела к нам. Я ощутил действие лишь пару секунд, но мне этого хватило! Очнулся я уже на плитке, вцепившись руками в шею, как и большинство земляков вокруг. Малой толики энергии, впрыснутой в ошейник, хватило, чтобы мне резко похорошело. Чуть тормознув, я повторил процедуру с другим шейным «украшением» – на Галиной шейке. Еще более аккуратно, так, что действие его еще ощущалось, но дышать

уже было возможно. Вот таким я стал «опытным», продвинутым магом. Шутка. Очень черная и несвоевременная, судя по тому, как развивались события у стены.

Бабуля, скорее всего, истекла бы кровью совсем скоро. Но «фиолетового» это не устраивало. Он подступил к ней, одним движением плеч заставив расступиться стражников. То, что он вынул из ножен, закрепленных на поясе, клинок, я понял по тому, как тот полыхнул фиолетовым огнем – прямо сквозь тело мага. А последний оказался очень даже третьим калачом. Взмахнул вооруженной рукой вполне профессионально. Это судя по результату. Нож прошел сквозь человеческую плоть даже легче, чем мой поднос через звериную. Даже глубокую борозду оставил в облицовочном камне. Это я позже разглядел, когда на месте трагедии ликвидировали все следы. А пока голова еще подержалась на шее, которую так и не коснулся рабский ошейник. Я даже содрогнулся, увидев вполне осмысленную ухмылку бабули, и губы, которые шевелились, словно посылая перед собой последнее, предсмертное проклятие.

– Ну, пусть это его заботит, – несколько успокоился я, обращаясь к магу.

Ведь это именно он стоял прямо напротив бабули. Вот что-то дернулось в пространстве, и голова начала падать набок. Страшное, мерзкое зрелище. Я не стал за ним наблюдать. Тем более, что у меня было свое дело; важное и срочное. Магический фантик с кристалла, что поймал на лету, я содрал, как только сжал его в ладони. Она одарила меня теплой волной, прокатившейся по всему телу. Подозреваю, что светиться я стал гораздо ярче. Но было не до этих световых эффектов. Начинка кристалла – та самая, фиолетовая – оказалась много объемней. И полилась она в меня сама, без малейших потуг с моей стороны. Я не сразу это понял – отвлекся на страшный акт сегодняшнего «спектакля». А когда очнулся, отвлекся и от тонкой работы с ошейниками, и зрелища казни, оказалось, что большая часть тонкой, непрерывной спирали, которая раскручивалась из кристалла, уже ищет свое место в моем организме. Прежде всего в мозгах. Надо признать, с очень своеобразными ощущениями. В меня словно вливалась чужая жизнь. Очень насыщенная, и интересная. Это если смотреть со стороны, по виду. А вот так, внутри себя, к тому же понимая каким-то образом, что жизнью этих, с полным набором привычек, знаний и навыков... не одна, не две, и даже не три...

– Уй – ё! – промычал я, корчась от попыток чего-то чужого управлять моим телом, – да когда же это кончится?!

Впрочем, я был не оригинален. Рядом извивались от боли и в попытке вдохнуть хоть глоток воздуха другие. Разве что Галя лежала рядом неподвижной испуганной мышкой.

– Хватит, уль Масхи!

Властный голос словно стеганул по ушам, и люди рядом распластались, с шумом вдыхая в себя холодный живительный воздух. Некоторые рядом даже повернулись, легли на спину, ловя широко открытыми ртами редкие капли дождя. Ну, и я повернулся, и открыл рот. Больше в изумлении, чем в облегчении. От того, что бесконечная фиолетовая нить наконец, закончилась, мелькнув хвостиком, скрываясь в моем теле; а главное от того, что я понял! Я понял эти слова на имперском.

– На имперском, – возопил я внутри себя, – а это я откуда знаю? Откуда, откуда (это тоже я, и тоже внутри) – от верблюда. Непонятно, разве – фиолетовый кристалл! Это из искусства Разума. Эмрел – так звали прежде того, кто владел этим знанием. И не только этим. Эмрел?! Кто ты, где?!

Тут пришло понимание, что никакого Эмрела внутри меня нет. Что есть только его знания и воспоминания, последнее из которых – рука самого Эмрела, старшего стражника Тихой стражи, особо доверенного лица его Главы, младшего герцога Этринского, и в ней тот самый кристалл, что я поймал в полете. Я – значит Миша Столбов. Как бы тут не запутаться. А – знаю, помню; проходили, и не раз! Все уляжется, устаканится, усвоится. И получу я весьма необычные навыки стражника из Тихой, а еще графа Мерского, и его любовницы, и...

– Ну, ё! – опять замычал я, и Галя рядом участливо склонилась надо мной:

– Что, больно?

Я кивнул; больше для того, чтобы она не видела выражения моего лица. Даже не хочу представлять себе, что было сейчас в нем намешано. Боль тоже, конечно – внутри по-прежнему всего корезило. Но больше всего, наверное, напряженного размышления: «Что делать?». Потому что и сам, и те крохи чужого опыта, которые я уже воспринимал, просто вопили: «Не выдавай! Никому! Ни за что! Никто не должен знать, что сейчас произошло!». А особенно «фиолетовый».

– А он догадается, – успокоился я одним мгновением, – камень я, конечно, сбросил. Отбросил незаметно подальше. Но то, что он пуст – узнает. Стоит только поднести кристалл с искоркой. А зачем ему это делать? И до того ли ему сейчас? Вон – ходит потерянный. Вспомнит, конечно, про суму, и про кристаллы. А пока ему не до нас.

Маг, действительно занимался своим непосредственным делом – магичил.

– Не маг, а искусник, – поправил я себя – Ищущий второй степени ветви Фиолетовых, если быть точнее. Тут даже слова такого нет – «магия». Искусство, и точка.

Я помотал головой, уже сидя, рядом с Галиной. И – вместе с ней, и другими – наблюдал, как Данир уль Масхи (дал же бог имечко) водил руками, бормотал что-то, непонятное даже с новыми знаниями в голове, и щедро плескал на бабулю и пространство вокруг целыми потоками фиолетовых волн.

– Силен, однако, чертяка, – похвалил я его; тут же поправился, – так это он Накопители использует – вон те два крупных кристалла, что зажаты в его руках.

Я опять одернул себя: «Потом, все потом!».

Сейчас надо было решить, как все же скрыть последствия такого вот ускоренного курса обучения. Встать-то я встану. И постою тоже, не шатаюсь. Но стоит сделать несколько шагов, как этот самый Данир поймет все. Почему поймет? Да потому что он специалист как раз по таким кристаллам. Не просто специалист – создает их, и внедряет в головы... Кто только люди соглашается на такое? Гм. м.м... Многие соглашаются, причем совершенно добровольно. Еще и приплачивают. Опять?! Так – то, что нас погонят отсюда, сомнений не вызывает. Камни-то искать надо. Значит, надо, чтобы я шел не своими ногами. Попросить – того же Мишку, например. Тогда он что-то начнет подозревать. Устроить драку? Уже горячее. Только... ненавязчиво, что ли. Во – спонтанно! А что может быть естественным, чем драка из-за женщины. Да что-то никто не цепляется, хотя я уже сколько времени Галочку лапаю.

Я дотронулся до виска Гали, откидывая в сторону прядь темных волос. Она резко повернулась ко мне.

– Меня Михаилом зовут, – решил я, наконец, официально представиться.

– Галя.

– Надо же – даже покраснела, – это я про себя, а вслух, – ты извини за вопрос, но... ты сюда, в смысле, на свадьбу, с кем пришла? Или приехала? Он не там?

Я кивнул на тела, лежащие вповалку у толстого ствола дуба («Даб, – поправил себя опять, – совершенно удивительное дерево. И дорогое очень»). Галина вся передернулась – словно маг (искусник!) опять что-то сделал с ее ошейником.

– Нет, – помотала она головой, – он вон там (теперь подбородок указывал в сторону наших «искусников»), – который в очках.

Я внутри себя помрачнел. С фиолетовым дрищем драка не получилась бы, даже если тот сидел бы сейчас рядом с нами. А Галя продолжила, хотя я и не просил.

– Он мне не муж, не брат, и не сват. Никто. Просто знакомый.

– «Прохожий, парень чернокожий», – негромко и очень фальшиво пропел я.

– Вот именно, – кивнула Галя, – игрушка. Одноразовая. Хотя и очень заметная фигура в нашем городе.

– Где он, этот город? – ощутил я внезапную ностальгию, словно уехал из Владимира годы назад, – и чем он знаменит?

– Шахматист. Лучший в области. И в России что-то там выигрывал. Как там у вас называется – международный мастер.

– Солидно, – согласился я, – мне бы до такого уровня никогда не подняться.

Галя чуть приподнялась – явно в попытке разглядеть своего «бывшего» – так я почему-то прозвал очкарика. Потом перевела взгляд на меня, и покачала головой. Очевидно, что по каким-то ее критериям я шахматиста не только догнал, но и перегнал. Причем, очень далеко. И это, в свою очередь, подняло мне настроение. Так что я готов был подражаться уже с целым миром.

– Ну, с целым миром не надо, – остудил я собственную голову, – а вот с одним из этих...

Уль Масхи, очевидно, закончил с дезинфекцией, и принялся командовать уже не только собственным рабом, которого, кстати, звали Фанелом, но и солдатами; с молчаливого согласия командира.

– Которого зовут графом Вилимом дум Гарским, и ради которого... заткнись!

Первый же стражник дернул Галю за руку так сильно, что она вскрикнула. Ну и я, естественно, «не выдержал». Нет – я возник бы в любом случае. Но когда представилась такая шикарная возможность... Я вскочил на ноги; почти вскочил – по факту поднялся, как столетний дед. Но солдату вмазал хорошо. Не в лицо – в ответку можно было получить копьем, или мечом. В живот, прикрытый стальной кирасой. Стражник, и так придавший себе ускорение рывком, отлетел метра на три, а ответка пришла от его товарища. Ну, или сослуживца. Этот воин медленно и уверенно, как на плацу, развернул копье тупым концом вперед, и точно выверенным и очень мощным тычком направил его в центр моего живота. Как я знал в одной из прошлых жизней, такой удар отрабатывался в расчете вырубить противника до бессознательного состояния. Что, впрочем, совпадало с моими планами. Больно, конечно, будет. А Эмрел внутри подсказал, как сместиться немного в сторону, подставить живот, и чуть напрячь мышцы...

Боли я так и не почувствовал, но сознание потерял. Не в первый раз за сегодня. Тенденция, однако.

Глава 4. Запретный Лес. Граф Вилим дум Гарский

Граф Вилим дум Гарский не любил непонятного. По жизни шагал, как тяжелый бронированный латник, сметая все со своего пути. Естественно, кроме тех, кто сам мог смести его. Но таких в империи было немного. Граф даже не пытался перечислять их. И так все понятно.

А вот с этим новым посланником императора, Ищущим... Конечно, после предыдущего, Гарция уль Дениза, Оранжевого Ищущего максимального, четвертого уровня, присылать Фиолетового, второй ступени, да еще такой неоднозначной специализации? Какого демона здесь делать Разумнику? Варгов гонять? Как будто там, в столице, не понимают, что две третьих границы графства это Запретный Лес. И что его исчадия готовы в любой момент ворваться в долину графства, и устроить резню. Нет, конечно, сил у самого графа хватает. И внутренняя стража, и охотники, тренированные специально против обитателей Леса.

Но Гарций был неплохим подспорьем. И не только в деле защиты от исчадий. Он еще и в теории хорошо разбирался, и зелье умел варить – как самый настоящий Зеленый. Хотя, конечно, больше боевые составы. Ну, что хотите – Огневик, боевой искусник.

И вызвали его в столицу как-то неожиданно. Радостный уехал – обещали ведь помочь перейти на новую ступень. А Постигающий, это... Это очень высоко. Пожалуй, с ним, с графом, сравнится. Только вот почему то не поверил Вилим в эту версию. Скорее, из этого вызова уши младшего герцога торчат, Этринского. Давнего недруга Вилима дум Гарского. С юношеских лет.

Вилим даже прищурился, улыбнувшись – вспомнил ту, кто и сделала двух высокородных дворян непримиримыми врагами.

– Эльжбет, – мечтательно прошептал он, – давно не вспоминал тебя.

Девушки – низкородной, но прекрасной, как поцелуй весны, наверное, давно не было в живых. А вражда осталась. Хотя граф вернулся в родные края, приняв наследство, а младший герцог остался в столице; взлетел высоко, как только может взлететь человек, не отмеченный Искусством. Стал Главой Тихой стражи.

– Выше ему уже не взлететь, – тяжело вздохнул дум Гарский, – хотя и этого ему хватает.

Хватает, чтобы делать графу пакости; мелкие и крупные. Какой считать замену искусника, граф пока понять не мог. И потому злился. Хотя даже самый наихудший вариант не сильно тревожил его. Наихудший – это если Гарция взяла Тихая стража. Взяла и выпотрошила. Тот, конечно, мог рассказать много ненужного. И про парочку искусников, что прикормил не совсем законно граф (а если точнее – то совсем незаконно); и про ту часть продукции из Леса, что Вилим оставлял себе, и которую Оранжевый перерабатывал. Тут граф был в своем праве – для защиты от исчадий Запретного Леса мог оставлять четверть добытого. Только вот кто ее считал, эту четверть? Разве что сам Вилим. А Гарций этого знать не мог. Так же, как и тех людей, что переправляли сырье, и готовые снадобья по нужным адресам.

В империи это называли контрабандой. Дум Гарский же считал, что это законная часть его наследства. Когда-то давно, лет двести назад, долина была самостоятельным королевством. И Запретный Лес входил в него. Но империя объявила его общим, имперским. И нынешнее графство от такого соседства имело лишь сомнительное удовольствие охранять другие территории от нашествия тварей Леса. Ну, и небольшую долю от его богатств.

Да он, граф Гарский, не мог сам продать за пределы графства даже одной дабовой доски. Использовать самому – пожалуйста! Хоть очаги с печами топи. А на экспорт... Но про эту сторону жизни графа Гарция тоже ничего знать не мог. Но младший герцог мог почуять. И прислать разбираться своего человека. Только вот этот Фиолетовый никак на шпиона Тихой стражи не тянул.

– Он даже Майлену боится, – улыбнулся граф, вспомнив, как в первый же день после приезда искусник оконфузился на ужине.

Дочь что-то спросила у него, резко повернувшись. И уль Масхи дернулся, и опрокинул на себя чашу с горячив супом. Хорошо еще – не завизжал, как девка. Сдержался, надо признать. Фиолетовый.

С тех пор и сторонится Майлены.

А люди, которых он привел с собой. Ну ладно, раб. Он, считай, не человек, хотя и общался к Искусству. Подумать, что это адепт Тихой стражи, даже не просто смешно – невероятно. А вот второй; как там его зовут? Каркол? Еще странней. Видно опытного вояку. Который почему-то забыл, с какой стороны берется меч. Ну, или искусно притворяется. Понять бы еще – искусник ли он? Говорят, у младшего герцога такие есть. Как и у самого графа, кстати.

Теперь вот еще – зачем Ищущий поперся со мной в Лес? Приглашение я, конечно, ему сделал – как иначе? А он зачем согласился? Видно же, что не нравится ему здесь. Значит, такую задачу перед ним поставили.

– А вот это опасно. Кто-то может проговориться. Всего, конечно, никто не может знать. Кроме меня самого. Но по крохам, по крохам. Погодите! Так вот почему Фиолетовый! Может, он умеет лазить в головах незаметно. А может, уже лазил?

Граф принялся лихорадочно вспоминать тех, кто появлялся в замке с того дня, когда там появился Данир уль Масхи. И с каждым новым именем мрачнел все сильнее. Пока не дошел до того, кто служил связным с королевством Тацир. Теми, кто испытывал отчаянную нужду в дабовой древесине и железах тварей. И платил за них самую высокую цену. Золотом. И кристаллами.

– Значит, – принял решение Вилим, – Ищущий не должен вернуться в столицу. А лучше, чтобы он не вернулся из Леса.

Приняв решение, граф пришел в хорошее расположение духа. С ним часто было так – определить цель для удара, и нанести его, уже не оглядываясь. Эта же цель – он повернулся в седле, улыбнувшись искуснику – не выглядит такой уж грозной.

– Хотя с адептами Искусства не все так просто, – вынужден был признать граф, – но я и сам Красный. С рождения. Пусть до Ищущего не добрался, так ведь и времени не хватало. Да и желания, если признаться. А если прибавить две сотни стражей и целую сотню охотников, каждый из которых подберется к Ищущему хоть сзади, хоть спереди так, что искусник увидит его уже с перерезанным горлом. И то, если охотник того пожелает. Да и дочка (тут он еще раз широко улыбнулся) поможет. Испугает, если понадобится. И Джок тоже рядом. Не учился в Школе, но знает, умеет... А это что такое?

Впереди что-то гроыхнуло, и, кажется, неярко сверкнуло.

– Это не гром, и не молния, – опять повернулся к искуснику Вилим, – тучи, конечно, грозные, но это точно не...

– Кто-то балуется Искусством, – чуть испуганно, и совсем бесцеремонно перебил графа уль Масхи, – а это что?!

– Это варги! – теперь перебил граф, – молодые.

Рев самой желанной добычи Запретного Леса Вилим не перепутал бы ни с чем. В охоте он был азартен, и не раз сам наносил последний, посмертный удар. Впрочем, убить варга здесь, в лесу – это значит обесценить добычу раз в десять. А вот привезти его живым, и разделать уже в лаборатории, по всем правилам Искусства. Это тоже было одной из лазеек, пополнявших казну графства.

Он вдруг насторожился; даже зашевелил ушами, направив их в сторону, где ревели варги. Оттуда послышался какой-то треск, или стук, и один из зверей сменил тональность рева – ему явно что-то не понравилось. Это могло означать многое. В том числе то, что кто-то охотится.

В Запретном Лесу. Где никто не смел поднять даже дабовую ветку без его, графского разрешения.

– Вперед! – скомандовал он.

Впрочем, команда эта не означала, что прямо сразу все бросились в атаку. Любая операция в Запретном Лесу была хорошо отработана. А появишься что-то новое – и это обсудят, и обязательно включают в практику. На будущее. Потому и было среди графских охотников так мало жертв. Ну, а стражники? Они просто уплотнились, сгрудились вокруг трех высокогородных в ожидании вестей от разведки охотников. Лишь одно внесло некоторое разнообразие в предельно отточенный порядок действий. Граф железной рукой остановил под уздцы лошадь дочери, которая рванулась было вслед за охотниками. Ничего ей не сказал, лишь посмотрел сурово. Хотя в душе и улыбнулся почти ласково.

– Моя кровь! И огонь...

Не сказать, что граф Вилим дум Гарский специально воспитывал дочку, как если бы желал заменить ею так и не родившегося сына. Настоящего, Красного. Другие-то были. А она скорее сама возомнила, что сможет заменить отца во всем.

– Хотя в главном это точно не получится, – тяжело вздохнул дум Гарский, машинально огладив морду лошади – таких нежностей в отношении дочери он себе давно не позволял; точнее, не позволяла она, – графскую корону ей не передашь. И подходящей партии нет. Разве что в роду Этринских есть один мальчишка... А может в этом дело?

Граф даже ахнул, с бешеной скоростью прокручивая новые варианты развития ситуации. Смерть искусника могла стать преждевременной. Хотя ситуация, с учетом варгов, могла идеально подойти для решения этой цели. В конце концов, насильно Ищущего в Лес никто не тасил. Тому есть десятки свидетелей. А для варга откусить человеку голову – да он даже не заметит. Если только в зубах застрянет.

Вилим чуть не расхохотался. А и расхохотался бы, если бы прямо рядом с его сапогом, слева, не выросла фигура Эрминда, старшины охотников. Его лицо выражало так несвойственные ему изумление и даже растерянность. Хотя опытного охотника, для которого граф не жалел собственных денег на сеансы у Зеленых, в Лесу ничем нельзя было удивить. Для таких целей, в том числе, и нужны были в кубышке неучтенные золотые.

– Говори, – разрешил граф.

– Там какой-то дом, твоя милость, – обозначил головой поклон Эрминд, – и люди.

– Охотятся? – сразу взъярился граф, решив, что с домом можно разобраться и позже – тот не убежит.

– Нет, твоя милость. Это на них охотятся. Варги. Ну, как охотятся – жрут их одного за другим.

– Я хотел бы увидеть этих людей, – проскрипел сзади искусник.

Майлена, прижимавшаяся своей ногой к ноге отца из-за узости тропы, дернулась, словно хотела сказать: «Я тоже хочу их увидеть».

– Да я и сам, – проворчал, хотя и мысленно, граф.

Вслух же он послал вперед опять охотников, но теперь с приказом вмешаться в чужую охоту. Чужую – это варгов. А сам чуть сжал коленями бока коня. И опытный, проверенный именно в Лесу конь тронулся вперед медленно, в любое мгновение готовый и рвануть вперед, и отступить назад, а если понадобится, скакнуть в сторону. На удивление умный конь мог продемонстрировать и такой трюк. Но сейчас только влево, потому что справа к отцу все так же прижималась Майлена.

Когда трое высокородных остановились на краю обширной поляны, которой на этом повороте тропы никогда не было, все уже было кончено. Причем, кончено так, что сердце графа наполнилось яростью. От того, что кто-то уже поохотился до него. Кто-то, ничего не смысливший в правилах охоты именно на эту дичь. Судите сами – зачем было бить по звероящерам

артефактным оружием такой силы, что зверей просто разорвало на куски? Кусков было много, но опытный глаз определил, что безвозвратно потеряны железы, да и шкуры сразу трех варгов. А еще один – матка – лежал посреди поляны, чуть отступив от каких-то строений ослепительно белого света. Лежал без головы, перед которой, собственно, и остановил своего коня граф. Он мог бы дотянуться до огромных клыков, не нагибаясь; но размерами варга его было не удивить. А вот появлением здесь, посреди Запретного Леса здания совершенно непонятной формы, и людей, прижимающихся к его стенам; людей в такой непривычной, совершенно не подходящих для этих мест одеждах, он озадачился. И озаботился. Как говорилось – он очень не любил все непонятное.

А вот действия охотников его однозначно порадовали. Если бы не их мастерство, окровавленных куч человеческого мяса и тряпья было бы куда больше. Теперь же два жутких зверя, способных уничтожить все живое на этой поляне быстрее, чем сердце ударит сотню раз, тихо подвывали, спеленатые специальными сетями. Их, кстати, изготовили тоже, используя неучтенные запасы золота в казне. Услуги искусников стоили очень дорого. Особенно, когда их озывали помимо официальных заказов.

– Что там? – протянул вперед руку граф.

– Смотрим, твоя милость, – лаконично ответил Джок.

Этот парень официально командовал этими вот двумя сотнями пеших стражей и сотней тяжелых конников, которые исполняли роль графской гвардии. И хорошо командовал. Настолько хорошо, что не пожелал открыться искусникам, дабы те направили молодого стражника в Школу Искусства. Голубую школу, ветвь Воздуха, Искусство которого открылось ему достаточно поздно. О том, сколько золотых отдавал граф искуснику, подпольно проверявшему от случая к случаю его данников на принадлежность к Искусству, Вилиму даже вспоминать было страшно. Дурно делалось. А уж если адепт таковых находил... Пока «своих» искусников у графа было лишь трое. Четвертого, условно своего, Гарция уль Дениза, он почему-то в расчет уже не брал. Только печалился немного, что так мало тот успел поучить Джок, Вернину, совсем молодую, и совсем слабую Зеленую, и Гордоя, Желтого искусника. Нанимать же подпольного учителя – были и такие – смысл был, когда учеников у него могло появиться не менее полудюжины.

Произнести первое слово, и задать первый вопрос незнакомцам должен был хозяин земли. Тут, в имперском уделе, это право имел граф. Он сошел с коня, шагнул вперед и задал этот вопрос, после того, как из здания, возникшем здесь не иначе, как с применением Искусство самого высокого уровня, тычками копий выгнали еще несколько чужаков. Теперь все они выстроились по обе стороны дверей, ведущих внутрь дома, вдоль стены. Так, что каждый мог разглядеть своего нового хозяина. А что это именно так, граф не сомневался ни одного удара сердца. Вот в каком качестве – это он и должен был решить сейчас.

– Кто вы, и что делаете в Запретном Лесу? Разве вы не знаете, что даже находиться здесь не позволительно без разрешения хозяина («То есть, меня!»), – добавил он про себя – чтобы не услышал искусник)?

Ответом ему было молчание, и изумленные переглядывания незнакомцев. Хотя нет – кое кто смотрел совсем не так. Кто-то, как здоровяк по левую сторону, оценивающе – словно примериваясь к удару, а старуха, крайняя слева, вообще готова была пробуравить в нем дырку одним лишь взглядом – так надменно и уничижительно она смотрела на графа.

– Если нужна будет показательная жертва, она будет первой, – решил он, возвращаясь взглядом назад, к двери.

И застыл им надолго, замерев всем телом. Потому что у стены стояла Эльжбет! Такая же юная и свежая, не постаревшая ни на сезон – и все это без единого сеанса у Зеленых! Почему-то граф был уверен в последнем.

– Нет, это не она, – вынужден был признать он, наконец, – но ни единого отличия; даже голову сейчас откинула так же. И смотрит на меня как когда-то – в первую нашу встречу; с испугом и ожиданием чуда. Тогда я дать ей его не смог. А сейчас? Нет, не Эльжбет. Настоящая никогда не разрешила бы себе показаться на людях в таком виде.

И действительно, наряд девушки, на которой остановился взгляд владельца долины, был более чем откровенным; если не сказать бесстыдным. Волосы, распущенные по плечам; светлая рубашка, завязанная полами на животе так, что она практически не закрывала ничего – ни высокой груди, ни нежного живота с пупком. Юбки тоже не было. А штаны... Это были не штаны! Их словно обкусал варг, оставив штанины настолько куцые, что граф без труда разглядел под ними красные трусики. Грудь, кстати, закрывала какая-то тряпка того же цвета.

Он прокричал свои вопросы еще раз, но уже на старом местном наречии – на котором мало кто говорил. Прокричал, не отводя взгляда от Эльжбет. Так он решил называть девушку, даже если у нее было на этот счет другое мнение. Та, конечно, ничего не поняла, но ему несмело улыбнулась. Граф же подумал, что сегодня, возможно, жертвы не понадобятся.

– Позволь, дум Гарский, я поговорю с ними по-своему.

Граф недовольно поморщился. Искусник здесь и сейчас был очень некстати. Но отказать ему не мог. Пришлось отступить; уступить место Ищущему. Тот, впрочем, ничего говорить не стал. Если не считать пары слов, которые он бросил рабу, не оборачиваясь: «Фанел, мои перчатки. Новые».

Это граф понял. Значит, сейчас здесь будет твориться Искусство. Такое, где непозволительно вторгнуться в тонкую грань готового заклęcia. Перчатки из волокон даба это гарантировали. Ему ли, хозяину долины при Лесе было это не знать – в контрабанде артефактами такие перчатки занимали едва ли не четверть по объему.

Искусник достал откуда-то из-под фиолетовой куртки кофр, в каких обычно хранят кристаллы. И достал один, вполне обычный на вид. Да и разглядеть что-то в кристалле без специальных устройств было невозможно – ни обычному человеку, ни искуснику. Хотя в юности, в столице, Вилим слышал что-то такое про Видящих, умевших рассматривать наполнение артефактов. Но сам он таких искусников он не видел. И людей, видевших таких, тоже. Может, Главы?...

А потом произошло невероятное. Уже с десятков новых подданных, с тонкими ремешками рабских ошейников отделились от стены, и отправились в место, которое им определил Джок. Окажись среди них Эльжбет, и он бы не позволил так унижить ту, которую в будущем видел рядом с собой. Пока, правда, непонятно в каком качестве. Но даже эта девушка вылетела из головы, когда неожиданно камень, который искусник приложил ко лбу человеку в высоком дурацком колпаке, окрасился желтым цветом. Окрасился очень интенсивно, так, что Джок рядом громко икнул. У Ищущего был Определяющий! Кристалл, способный выявить искусника! И он его выявил – впервые на глазах Вилима дум Гарского. Очищающий, кстати, тоже оказался у запасливого Ищущего. А потом искусники посыпались, как желуди с даба. Впечатленный граф считал вместе с Джоком, и даже не отреагировал, когда девушку, его воплощенную в живом теле мечту повели в рабском ошейнике.

– Все потом, потом! – лихорадочно шептал он, уже уверенный, что этот богатый урожай искусников он никому не отдаст; судьба Данира уль Масхи была предрешена.

«Потом» пришло в страшном, черном цвете.

– Черная! Черная – инициированная! – закричал вдруг отчаянно Ищущий, отступая от той самой старухи, что так не глянулась графу.

Что-то там у них произошло, что заставило кофр искусника полететь к опушке Леса, теряя по пути кристаллы. Первым среди них летел, сверкая гранями, абсолютно черный кристалл, до какого сам Вилим не прикоснулся бы ни за что на свете.

– Даже ради Эльжбет, – признался он, опуская взгляд – на людей в ошейниках, что корчились на камнях правильной формы, которыми была вымощена поляна перед домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.